

**Анастасия
Никодимова**

**«СЕЛЬСКОЕ
ЧТЕНИЕ»**

**Владимира
Одоевского**

Рисунок Ф. А. Бруни по рис. А. Савина.

A. M. G. G. G. G.

1804-1869

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Тверской государственной университет
Кафедра истории и теории литературы**

Анастасия Никодимова

**«СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ»
ВЛАДИМИРА ОДОЕВСКОГО**

**Тверь
2018**

УДК 821.161.1.09«19»

ББК Ш5(2=411.2)5–3

Н 65

Никодимова А. А.

«Сельское чтение» Владимира Одоевского:

Монография. — Тверь: Издательство М.Ю. Батасовой, 2018. — 112 с., илл.

Данная монография — первый опыт изучения альманаха «Сельское чтение», который В.Ф. Одоевский издавал совместно с А. П. Заблоцким-Десятовским в 1840-х гг. Педагогика Одоевского — сложная система, влияние которой до сих пор не получило должной оценки. В книге рассматриваются как художественные, так и научно-популярные тексты, републикуются труднодоступные произведения. Особое внимание уделяется восприятию идей Одоевского тверскими педагогами.

Научный редактор

доктор филологических наук

А.Ю. Сорочан

Книга издана при финансовой поддержке

Министерства культуры РФ

ISBN 978-5-6040897-2-9

© А. А. Никодимова, текст, 2018

© С. В. Денисенко, предисловие, 2018

© Издательство М. Ю. Батасовой, 2018

А. П. В. А. П.
СЕМЬСКОЕ
ЧУЖБИЕ.

1843.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Писатель, журналист, философ, редактор, историк науки, литературный и музыкальный критик, композитор, изобретатель — это еще не все сферы деятельности князя Владимира Федоровича Одоевского. Он служил чиновником Министерства внутренних дел, Департамента духовных дел иностранных исповеданий, являлся членом общего присутствия Департамента государственного хозяйства, помощником директора Публичной библиотеки, заведующим Румянцевским музеем... был камер-юнкером, затем камергером... «Меня вообще обвиняют в каком-то энциклопедизме»¹, — скромно замечал сам первый русский энциклопедист.

Современники вспоминали, что «князь Одоевский просто поражал нас иногда необыкновенной, словно энциклопедической разнородностью и пространностью научных своих познаний: не было, кажется, ни единого научного предмета, с которым более или менее он бы не был знаком. Относительно новых языков, так положительно известно, что кроме русского, которым он, как известно, владел до классической тонкости, он свободно не только читал, но и говорил и писал по-французски, по-немецки, по-итальянски, по-английски и испански. Равно он был превосходным знатоком церковнославян-

¹ *Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве.* М., 1982. С. 108.

ского наречия и далеко не был несведущим в латинском, в древнегреческом и, кажется, даже в древнееврейском языках»¹.

Главным делом жизни Одоевского были, несомненно, литература и искусство. Наибольшую известность получили его рассказ «Последний квартет Беттговена» (1830), «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» (1830), светские повести «Княжна Мими» (1834), «Княжна Зизи» (1839), «Живописец» (1839), «Мартингал» (1846), а также повести мистического и фантастического содержания «Сильфида» (1837), «Косморама» (1840), «Саламандра» (1841) и др. В 1844 г. в Петербурге выходят его «Сочинения» в трех частях, в которых был опубликован и его роман «Русские ночи» – первый и единственный на сегодняшний день русский философский роман. Литературную деятельность Одоевский сочетал с музыкальной, выступая не только как музыковед (кстати, первый в России), но и как музыкант-исполнитель.

Романтический идеал универсальной личности Одоевский стремился реализовать в своей жизни. Он одним из первых начал издавать книги «для народа», готовил учебники, писал популяризаторские статьи, издавал сборники и т. д. На протяжении 1844–1845 гг. из номера в номер «Записок для хозяев» (приложении к «Литературной газете») на последней полосе публи-

¹ Арнольд Ю. Воспоминания. Вып. 2. М., 1892. С. 199–120.

ковались его лекции о «кухонном искусстве», где он выступал под именем «доктора Пуфа»¹.

Предлагаемая читателю книга раскрывает еще одну из мало изученных граней князя Одоевского. Впрочем, об этом — ниже.

С. В. Денисенко,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

¹ Они опубликованы в отдельном издании: *Одоевский В. Ф. Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве* / Подгот. текста и вступит. статья С. В. Денисенко, коммент. И. И. Лазерсона. СПб., 2007.

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ.

КНИЖКА,

СОСТАВЛЕННАЯ ИЗЪ ТРУДОВЪ:

А. О. Вельмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина,
В. И. Дала, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина,
П. И. Победина, К. О. Энгельке,

КНЯЗЕМЪ В. О. ОДОВЕВСКИМЪ и А. П. ЗАБЛОЦКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

ВВЕДЕНИЕ

Владимир Федорович Одоевский (1804 — 1869) — русский писатель, журналист, издатель, музыковед, создатель удивительных научных теорий и их практических воплощений. Чаще всего Одоевского называют представителем философского романтизма, автором сказок и повестей. Но помимо этого, перу Одоевского принадлежит множество трудов по педагогике. В. Ф. Одоевский не только рассуждал о просвещении, но и пытался воплотить многие новаторские педагогические принципы на практике. Эта книга посвящена одному из таких практических проектов...

Интерес к гуманитарным и техническим наукам, теории музыкального искусств, и знание работ по педагогике французских и английских философов и ученых позволили В. Ф. Одоевскому составлять учебные пособия с развернутым и широкомасштабным содержанием. Так, в 30-40-х годах XIX в. Одоевский создал множество сочинений для детей дошкольного возраста, пособий для воспитателей, дающих представление об организационной, теоретической и идеологической работе. С трудами Одоевского в области школьного образования и воспитания очень тесно связаны многочисленные тексты внешкольного общеобразовательного характера для рабочих и крестьян.

Благодаря деятельности В. Ф. Одоевского было открыто множество учебных учреждений не

только в Петербурге, но и по всей России, что позволило увеличить количество грамотного населения.

К сожалению, Одоевскому–педагогу уделялось не слишком много внимания. Подтверждением этому может служить цитата из книги П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель»:

«Мы ничего не говорим об Одоевском как музыканте и педагоге, мы оставляем в стороне всю его общественную деятельность, в том числе и его работу в Обществе посещения бедных просителей. Мы берем его в качестве *мыслителя* и *писателя* в связи с тогдашними идейными и литературными направлениями. И лишь по мере надобности привлекаем материалы из других областей»¹.

А между тем, его труды могли бы представить интерес и с точки зрения современной преподавательской деятельности, они исключительно важны и для истории литературы, и для истории общественной мысли. Именно поэтому обстоятельный контекстуальный разбор некоторых его изданий в области народного просвещения будет интересен и актуален в наше время.

Интересно то, что Владимир Федорович Одоевский пытался связать научные темы с повсе-

¹ Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Кн. В.Ф. Одоевский: Мыслитель. Писатель. Т. 1— . Москва: М. и С. Сабашниковы, 1913. Т. 1. Ч. 2. — 1913. С. 53.

дневным, бытовым существованием русского человека — для того, чтобы научные знания и быт были неразрывно связаны в сознании русского крестьянина (как бы парадоксально это ни звучало).

Педагогическая работа Одоевского включала в себя организационную, практическую и теоретическую деятельность и была предназначена для трех разных типов аудитории: дошкольной, школьной и для людей, не получивших школьного образования, но нуждающихся в этом.

Одоевский занимался благотворительностью и организацией детских приютов в Петербурге и других городах России¹. В связи с этим Владимир Федорович создал ряд сочинений для детей школьного возраста и их воспитателей. В сборнике педагогических сочинений Одоевского под редакцией В. Я. Струминского был опубликован целый ряд таких работ, «дающих представление о характере организационной и теоретически-идейной работы Одоевского с дошкольным возрастом»².

Следует отметить работу Одоевского в 1830-х годах в качестве консультанта по педагогическим вопросам в должности члена ученого комитета при министерстве государственных

¹ *Черта в характере князя В. Ф. Одоевского* / Публ. Н. Путяты // Русский архив, 1870. Изд. 2-е. М., 1871. Стлб. 927—931.

² *Одоевский В. Ф. Избранные педагогические сочинения* / Сост., ред., вступ. статья и примеч. чл.-кор. Акад. пед. наук РСФСР проф. В. Я. Струминского. Москва: Учпедгиз, 1955. С. 6.

имуществ. Это способствовало в 1840-х годах открытию в России 2754 начальных школ в селениях государственных крестьян¹.

Особое внимание Одоевский уделял изучению и разработке различных методик народного просвещения. Несколько лет он являлся главным редактором «Сельского чтения», издававшегося министерством внутренних дел, в соавторстве с А. П. Заблоцким-Десятовским. Данное издание разошлось 20-тысячным тиражом; трижды перепечатывалось в 1840-х годах.

Почему же именно Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский (1808-1881) стал соавтором проекта и соредактором «Сельского чтения»? Скорее всего это связано со схожестью взглядов обоих авторов, с общностью мнений о политических, социальных и бытовых обстоятельствах жизни русского народа.

А. П. Заблоцкий-Десятовский был убежденным сторонником реформ и противником крепостного права. объездив летом 1841 г., внутренние губернии Андрей Парфенович издает труд «О крепостном состоянии в России», в котором рассматривает причины, по которым крепостное право должно быть ограничено и впоследствии отменено. С особенной силой восставал Заблоцкий-Десятовский против мысли об освобождении крестьян без земли и доказывал

¹ См.: *Калинина Е.А.* Училища Министерства государственных имуществ в системе народного просвещения // *Вопросы образования.* 2011. №. 2. С. 229-241.

несостоятельность надежды на систему полюбовных соглашений.

А.П. Заблоцкий-Десятовский

В 1843 г. Заблоцкий-Десятовский вместе с князем В.Ф. Одоевским предпринял издание сборника для крестьян, под названием «Сельское чтение» (в первые два года разошедшегося в количестве до 30000 экз.). Затем также в соавторстве с Одоевским появились «Рассказы о Боге, человеке и природе» и (уже под именем одного Заблоцкого) «Ручная книжка для грамотного крестьянина». После 1848 года Заблоцкий-Десятовский посвящал все свои силы трудам по земледелию и стал редактором «Земледельческой газеты».

В четырех выпусках альманаха «Сельское чтение», который Одоевский выпускал вместе с Заблоцким, были помещены статьи, рассказы, притчи, басни, легенды; в издании участвовали ведущие авторы 1840х годов: В. И. Даль, А. Ф. Вельтман, М. Н. Загоскин, В. А. Соллогуб и др.

Одоевский предпринял большую работу по внешкольному образованию и подготовке книг для крестьян; частью его проекта стало и «Сельское чтение». В своих педагогических идеях Одоевский придерживался гуманно-демократических взглядов. Он видел перед собою цель создания педагогической науки, которая бы помогла педагогам в выполнении их образовательной работы. Так как в других областях наука начинала развиваться все большими темпами, Одоевский считал, что и педагогика в скором времени станет предметом научной разработки.

Отрицая традиционный тип воспитания, Одоевский пытался доказать, что воспитатель должен с уважением и вниманием относиться к своему воспитаннику. В вопросе соотношения воспитания и развития В. Ф. Одоевский защищал (как и В. Г. Белинский) идею развития стимулов у ребенка к развитию и образованию, которая может быть достигнута только благодаря правильному педагогическому воздействию. Здесь и воспитание детей, и воспитание крестьян рассматривались в одном ряду.

Следует отметить, что Одоевский считал, что основная сила России в ее крестьянах. И старался всеми возможными способами помочь им

не только на образовательном, но и жизненном пути: «Противная комиссия партия, говорят, старается продлить срок переходного состояния с 2-х на 9 лет. Не удалось. Слава твердости царя. Замышленное коварство продолжить барщину, чтобы потом, авось, не удержат ли ее совсем или не произойдет ли от этого бунтика, было, говорят, отвергнуто государем, несмотря на 36 голосов»¹.

Он считал, что воспитание альтруистических черт личности является одной из основных задач педагогики. И эти мысли наиболее полно выразились в альманахе «Сельское чтение». Проект нашел отклик в современной Одоевскому критике.

В. Г. Белинский, будучи сторонником идей о создании книг для народного чтения, с большим интересом воспринял издания «Сельского чтения». Он рецензировал каждую книжку. И рецензии эти имели положительный характер. Напомним некоторые высказывания Белинского, проясняющие особенности восприятия этого необычного издания:

«Сельское чтение» стало в разряд тех классических книг, в похвалах которым бесполезно распространяться, а следует только назвать их по имени. Ему суждено разгуливать доселе в числе 15 000 экземпляров. Успех невероятный, но тем не менее не подверженный сомнению!

¹ Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В. Ф. Одоевского. 1859-1869 // Одоевский В. Ф. Избранные сочинения. М., 1955. С. 129.

Бородатые критики по-своему оценили “Сельское чтение”: мы не имеем причины оспаривать их приговор и по совести должны подтвердить его справедливость»¹.

«Свойство всякого истинно хорошего дела — постепенно совершенствоваться: вторая книжка “Сельского чтения” гораздо лучше первой, и можно надеяться, что третья будет еще лучше второй. Содержание и изложение статей “Сельского чтения” так хорошо, что они читаются с удовольствием и не простолюдинами. Между тем в них видно основательное знание быта и свойств простого народа, верный взгляд на его нравственные потребности. “Сельское чтение” вполне владеет тайною умения говорить с своими читателями, соблюдая собственное достоинство, то есть не заносясь в облака и не нагибаясь до грязи, но держась настоящей середины. Все мысли в нем излагаются не поучениями, не сентенциями, но живым, увлекательным и наглядно убедительным образом, или в виде повестей, рассказов, или разговоров, имеющих свой драматический интерес»².

Были и те, кто негативно воспринял издание «Сельского чтения». Так славянофил А. С. Хомяков отказался стать соавтором «Сельского чтения» из-за опоры Одоевского на некоторые за-

¹ *Белинский В. Г.* Сельское чтение. Книжка первая...// Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 39.

² *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. В 9 томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 219.

падные педагогические труды, использованные для создания книги:

«Мне кажется все издание “Сельского чтения” крайне оскорбительным явлением и выражением глубокого, ничем не заслуженного и во всяком случае непозволительного презрения к просвещаемому.

Мы живем, думаем и действуем не только попустому, но и с явным вредом для самого дела, ибо мнимую деятельность отстраняем те новые и живые начала, на которые должна опереться мысль, чтобы уясниться и подвинуть вперед человечество. К этому прибавь, что личное действие и личные силы всегда бесплодны: они имеют только значение анализа, ничего не создающего, или синтеза, совершенно произвольного и, следовательно, совершенно бесплодного.

Только в жизни народа и может человек найти точки опоры и силы для действия: но для этого он должен сжиться с жизнью народа не только мыслию, но целым своим существом, а не глядеть на нее свысока и с ходуль иностранного просвещения»¹.

Ответ Одоевского был таков:

«Разделение на русских иностранцев и на русских русских — есть нелепость, все мы русские, все любим Россию и по внутреннему чув-

¹ *Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Сахарова. М., Русский мир, 2006.

ству, и потому что с нею соединена и вся наша внешняя жизнь.

Теперь поговорим о “Сельском чтении”. Твое мнение о нем не только меня огорчило, но и неслучайно удивило. Я тебя просто не понимаю. Уж не смешиваешь ли ты его с подражаниями, которые оно возбудило, например, с “Сельскими беседами” Фишера и другими изделиями в том же роде. Уверяю тебя, что до твоего письма, читая в 4 № “Москв.<итянина>” твою выходку против народных чтений, я никак не воображал, что дело идет обо мне, грешном, а еще подумал: “Экой злодей, верно, и не разрезал моего “Сельского чтения”!” Это показывает, в каком я или ты заблуждении»¹.

В настоящем издании сделана попытка осветить основные проблемы, связанные с изучением «Семейного чтения». В первой главе речь идет о педагогических теориях Одоевского, определяются источники его педагогических проектов, говорится о роли немецкой и французской педагогики в формировании «системы» Одоевского. Вторая глава посвящена художественным произведениям, публиковавшимся в альманахе — рассматриваются фантастические тексты, которые помогают решать специфические педагогические задачи. В третьей главе «Сельское чтение» рассматривается в контексте задачник для народного воспитания — от «Арифметики» Л.Н. Толстого до анонимных губернских изданий второй половины XIX века.

¹ Там же.

Наконец, в четвертой главе говорится о влиянии «Сельского чтения» на концепцию «сельской школы» выдающегося педагога С. А. Рачинского; в последних двух главах особое место уделяется тверским материалам. В приложениях представлена роспись содержания альманаха и воспроизводятся некоторые наиболее интересные и труднодоступные тексты из числа публиковавшихся в «Сельском чтении».

Закончить введение хотелось бы цитатой из книги Н.Ф. Сумцова, которую можно считать одной из наиболее ярких оценок «Сельского чтения»:

«В настоящее время “Сельское Чтение” — превосходное чтение для простого народа. В 40-х годах это издание было единственным и исключительным. Въ “С. Чт.” говорят с крестьянином на языке, вполне ему понятном, о предметах для него близких и интересных. Материал, доступный для народного понимания, обработан весьма тщательно. В одних статьях излагаются правила нравственности, подкрепленные искусно подобранными примерами назидательного свойства; в других статьях изложены полезные для крестьян практические сведения. Широко и многосторонно понимал Одоевский идею народного образования. Вполне гуманно, человечно смотрел он на крестьянина, как на разумное существо, и не отказывал ему в какой-либо отрасли знания. Он предлагал крестьянину не одни наставления об опрятности, не одни сведения об овцах, лошадях, коровах, полезных и вредных насекомых. Исходя из той мысли, что крестьянину, как человеку, ничто человеческое

не может быть чуждо, Одоевский знакомил его с книгопечатанием, историей русской литературы, устройством локомотива и т. п. Не многие могли оценить гуманный и патриотический подвиг Одоевского, — мог оценить Белинский, Максимович, Квитка, Даль, еще пять-шесть выдающихся умов, и только»¹.

¹ *Сумцов Н.Ф.* Князь В. Ф. Одоевский. Харьков, 1884. С. 43-44.

ГЛАВА I

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕДАГОГИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОЧИНЕНИЯХ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Оригинальность и разносторонность практической деятельности В. Ф. Одоевского давно уже привлекла внимание исследователей его педагогического наследства. Его педагогические сочинения еще при жизни автора получили высокую оценку великого русского критика В. Г. Белинского и нередко служили отправным пунктом для педагогических высказываний Белинского.

Принципиально важно для педагогики Одоевского то, что его идеи связаны с мистической философией, во многом неоригинальной, но приводящей к весьма оригинальным выводам.

В период 1830-40-х годов на первое место выдвигается проблема человеческой жизни, определения основных стихий в жизни коллективного и индивидуального организмов, иначе говоря, уяснение смысла и содержания человеческой жизни. По словам Одоевского, «Жамбатист Желли сделал глубокомысленное замечание, сказавши, что никакое действие для человека невозможно без соединения трех условий: знать, хотеть и мочь.

Но мы не можем знать, не изучая природы; мы не можем ни знать, ни хотеть предмета, если в душе нашей не предсуществует его значения, его сродства с нашей душой, устремляющих к

нему наше хотенье и руководящих к нему наше знание; мы не можем ни знать, ни хотеть, ни мочь, т.е. иметь силу, если мы не верим нашему знанию, нашему хотенью, нашей силе. Так тесно соединены сии три элемента»¹.

Трем потребностям человека служат наука и искусство. Этим двум силам необходим элемент веры, прежде всего в смысле доверия к своим знаниям, к своему хотенью, к своей воле. Нужно верить в то, что человек хочет знать; нужно верить в существование предмета, подлежащего изучению; всякая система знаний основана на «доверенности». Этот момент веры есть уже религия: «ибо вера в один предмет — есть уже вера в Бога». Обладая верой, человек «начинает сам из глубины души развивать свой образ воззрения на предметы»; это — фаза «знания», момент «науки». Далее, мы не могли бы изучить предмета, если бы не могли его себе выразить; «всякое выражение есть уже Поэзия». «И так», заключает Одоевский, «вера — Религия, изучение — Наука, деятельность — Поэзия». Знание — это «соединение Религии с Наукою и Искусством», причем момент веры является начальным.

В середине XIX столетия педагогические идеи Одоевского представлялись гуманно-демократическими и научными; при этом политический потенциал педагогики для Одоевского важен (недаром он называл 1840-е годы «свинцовой

¹ *Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. М.: Русский Мирь, 2006. С. 162.

эпохой»). И достаточно важны его обращения к идеям французской педагогики.

В области педагогики Одоевский хорошо знал практическую деятельность Песталоцци и его педагогические труды, а также труды его современника, ученика и друга — Жирара, о котором Одоевский писал: «...совершеннейшая метода педагогики есть та, которая представляет наиболее средств к наблюдениям за ходом духовного процесса в ребенке и научает самого учителя пользоваться сими наблюдениями»¹. В «Опыте о педагогических способах при первоначальном образовании детей» Одоевский впервые в России продемонстрировал оригинальность

¹ Одоевский В. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 123.

позиции Жана Батиста Мельхиора Гаспара Бальтазара Жирара (1765-1850) — префекта школы Фрибурга в Швейцарии, автора труда «Воспитательный курс родного языка». Первый печатный опыт Жирара (без его имени) — «Grammaire on le-cons de langue a l'usage des ecoles primaires». (1831).

Из анонимной книги Жирара, написанной на французском, Одоевский буквально копирует следующие фрагменты: «Нелепо говорить ребенку о глаголе, начиная с известного определения: «Глагол есть часть речи, которая выражает действие или страдание». Заставьте ребенка просто спрягать сперва один глагол, потом другой; приучите ребенка к понятию о числе и роде посредством присоединения к глаголу местоимений; к понятию о временах посредством слов: «сегодня», «вчера», «завтра»; к форме однократной и учащательной посредством слов, выражающих действие однократное или учащательное, — ребенок поймет вас совершенно, тогда как ни один из ста детей не поймет ясно, какие звери подразумеваются под метафизическими терминами: «действие», «страдание», «состояние»; когда вы таким образом проспрягали с ребенком по несколько экземпляров из каждого семейства глаголов, вы этим упражнением не только приучили его к разным изменениям глаголов, но приучили ребенка, незаметно для него самого, к привычке правильно выражаться; между тем вводите в эти упражнения малопомалу технические термины и, наконец, если угодно, заключите вышесказанным определени-

ем глагола; иной ребенок выведет его сам. Но с другой стороны, очевидно, что ребенок и не сделает этого вывода, и не приучится правильно выражаться, если вы оставите его бессознательное понятие о глаголе неразвитым. Точно так же в физике вы легче ученику объясните различные свойства тел, помогая ему осмотреть какой-либо предмет, нежели начав с определения общих свойств тел, как обыкновенно начинаются учебники. Но редкий ребенок сам, без всякой помощи, посмотрит все эти свойства в видимом им предмете».

Следует отметить, что «жирардины» — школы по методу Жирара — приобрели в Европе большую популярность, особенно во Франции. Но материалистический метод, который в этих школах господствовал, для Одоевского неприемлем. Поэтому он противопоставляет Жирара и Песталоцци и «духовную» и «материалистическую» педагогику. Прочитируем Одоевского: «Известно, что знаменитый Песталоцци полагал возможным облечь в осязаемые формы всю духовную природу человека, или, как он говорил, «доказать ребенку всякую истину, как дважды два — четыре».

«Нет, — отвечал ему друг его Жирар, — я не отдам тебе моего сына на воспитание, ибо ты никогда не докажешь ему, как дважды два — четыре, что он должен любить и уважать меня»¹.

¹ *Одоевский В.Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 127-128.

Еще в пансионе Одоевский изучал философские работы французского мыслителя, философа и педагога — Жозефа-Мари Дежерандо, весьма популярного во Франции первой половины XIX в. и издавшего довольно большой педагогический труд о начальной школе, переведенный на русский язык в первых десятилетиях XIX в.

Именно у Дежерандо он взял идею связи метафизики и педагогики. Идея вопросно-ответной формы обучения реализована у Одоевского в «Книжке дедушки Иринея» «Наука до науки». Можно оттуда примеры привести вопросов и ответов. Опирается Одоевский не только на практический опыт инспектора Евгения Гугеля, о чем все пишут, но и на теорию Дежерандо.

В целом более значим для Одоевского французский опыт в преподавании математики, а не языка — ибо рационализм во французской педагогике преобладает, и мистическая составляющая там не реализуется. Достаточно вспомнить о Сильвестре Лакруа, профессоре парижских нормальной и политехнической школ, декане факультета наук, профессоре в Collège de France. Лакруа был известен по составленному им курсу дифференциального и интегрального исчисления «*Traité du calcul différentiel et intégral*», по которому училось несколько поколений. На русский язык были переведены его «Основания арифметики». Эту книгу Одоевский переложил в «Руководство для начального преподавания наук» (составив на ее основе раздел

об арифметике); а вот в «Рассказах о боге, человеке и природе» французские источники не используются вовсе, здесь Одоевский обращается к опыту немецкой педагогики.

В начале педагогического движения Одоевский настойчиво рекомендует педагогические журналы министерству государственных имуществ для распространения среди учителей. 18 ноября 1858 г. Он пишет: «Пересмотрев с большим вниманием издаваемый нашим знаменитым педагогом Гурьевым педагогический журнал («Педагогический вестник») за весь 1857 г., а ровно вышедшие книжки 1858года, я пришел к убеждению в том, что в высшей степени было бы полезно распространить чтение сего журнала

во всех училищах, подведомых министерству, по крайней мере между учителями»¹.

Нетрудно видеть, что в условиях русской жизни 30-40-х годов XIX в. Одоевский поставил ту проблему, которая выдвигалась в педагогике на протяжении всего нового времени — это проблема соотношения в педагогическом процессе понятий воспитания и развития. Новое время ставило проблему не подавления развития воспитанием, а, напротив, согласования воспитания с развитием.

Русская педагогика, по мнению Одоевского, должна была исходить из потребностей русской жизни. Методика одной страны не может быть целиком и полностью перенесена в другую. Широкое развитие науки в других областях привело Одоевского к уверенности, что близок момент, когда область воспитания станет предметом научной разработки, ведь воспитание — основная категория педагогики. Воспитатель не должен воздействовать на психику ребенка механически, насильственно, а наоборот, проникнуться с уважением к личности ребенка и согласоваться с процессом его естественного развития. Даже такой оригинальный в своих взглядах мыслитель, как Л.Н. Толстой, соприкоснулся с гуманными мыслями, которые развивал Одоевский, когда убеждал воспитательниц детских приютов быть терпеливыми с детьми и не выходить из себя, если дети их не понимают, и ви-

¹ *Одоевский В.Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1955. С. 44.

деть причину этого непонимания прежде всего в самих себе, в неумении говорить с детьми понятным им языком.

Можно объяснить, почему Одоевский неприемлем для демократической педагогики; достаточно сравнить «французскую методу» Н.П. Огарева, выработанную в его трудах по педагогике, созданных почти одновременно с текстами Одоевского.

Огарев полагал: «Ученики не будут принуждены исполнять какие бы то ни было обычаи, от которых пахнет обрядом и формализмом».

Одоевский же считал, что обучение должно происходить с упором на национальные традиции и менталитет. Вот что говорится о недостатках обучения: «Читать он учится печатное по гражданским буквам. Книгу избрать довольно трудно и надо подумать. Церковной печати он вовсе не учится».

У Одоевского Вера — одна из главных составляющих, в свои книги для обучения он часто помещает тексты молитв; у педагогов-материалистов, разумеется, религиозная составляющая не представлена вовсе.

Таким образом можно сказать, что по сравнению с практикой французской педагогики, воспитательный эффект у Одоевского строится иначе — не только на игре (ума и сердца), но и на воспитании чувства долга, чего у французских педагогов нет. Одоевский настойчиво подчеркивает искусство воспитательной работы, которое заключается в умении пробудить активность ребенка и направить ее на те новые стимулы, которые, будучи восприняты, тем са-

мым окажут свое воспитательное воздействие, не нарушая естественного хода развития.

И эти педагогические установки во многом реализованы и на «народном» материале в альманахе «Сельское чтение» — как в методических, так и в художественных текстах.

ГЛАВА II

«СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ» И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Рассуждая о фантастике, следует начинать с определения. Существует две интерпретации понятия «научная фантастика» — «фантастика» как таковая сопрягается либо с футурологией (и тогда речь идет в первую очередь о сюжетах), либо с поэтикой (в таком случае выбирается особый модус повествования, кратчайшее описание которого предложил Цветан Тодоров: «Я почти начал верить»)¹. Это разделение оказывается, как мы увидим, весьма продуктивным — но все-таки не исчерпывающим.

Однако в случае «протофантастических текстов», предшествующих эпохе «научно-технической революции», мы можем говорить об адаптации модуса повествования для решения некоторых задач, в том числе педагогических. И здесь наше внимание привлекла педагогическая деятельность Владимира Федоровича Одоевского, которого признают одним из первых русских фантастов XIX столетия.

В альманахе «Сельское чтение» под редакцией В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого публиковались материалы о крестьянском быте и хозяйст-

¹ Головачева И.В. Размышления о теориях научной фантастики 2000-х гг. // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2013. Вып. 2. С. 18-20.

ве¹. Всего вышло 4 выпуска данного издания, и в них печатались художественные тексты таких авторов, как А.Ф. Вельтман, В.И. Даль, М.Н. Загоскин и многие другие. Многие русские писатели задумывались о недостатке образования в крестьянской среде и всеми возможными способами пытались привить крестьянам любовь к наукам и чтению через призму обыденных вещей. В «Сельском чтении», наряду с сочинениями историческими и беллетристическими (басни, притчи, рассказы, сказки), встречаются тексты исключительно утилитарные: авторы дают советы по домоводству, гигиене, медицине и сельскому хозяйству.

И практически в каждом номере есть произведения, тяготеющие не к сказочному, а к фантастическому модусу повествования. Однако эти тексты предназначались для специфической читательской аудитории и встраивались в необычный контекст. В итоге мы наблюдаем несколько вариантов реализации установки «я почти начал верить». И самый интересный пример — рассказ В. И. Даля, напечатанный в 3-й книжке альманаха. Интересно, что рассказ Даля появляется в альманахе рядом с произведениями другого русского фантаста А. Ф. Вельмана, хотя на этот текст явно повлиял более ранний рассказ Вельмана «Иоланда», опубликованный в 1843 году. Эти тексты для русской литературы

¹ *Виргинский В.С.* Владимир Федорович Одоевский. Естественнаучные взгляды (1804-1869). М.: Наука, 1975. С. 87-88.

1830-1840-х годов уникальны; они имеют самое прямое отношение не только к истории фантастики, но и к истории детектива. В первом случае мы имеем дело со сказочным по сути средневековым миром, а во втором с традицией «хмельных видений», тоже маскирующей этнографическое видение мира. Наиболее выразительна композиция рассказов — на ней-то и строится детективный эффект. Вельтман строит сюжет как цепь драматических картин, связь между которыми надлежит выстроить читателю, Даль так же поступает с картинами бытовыми. Самые сюжеты, если отвлечься от исторических деталей, почти идентичны. И у Вельтмана, и у Даля речь идет об осуждении за убийство исчезнувшего человека, который на самом деле жив. При этом обвиняемый уверен, что на самом деле совершил преступление: Иоланда находилась в состоянии нервного истощения, а Степан у Даля был пьян до бесчувствия. Более чем вероятно, что Даль был знаком с рассказом Вельтмана если не по публикации в «Московском наблюдателе», то по сборнику «Повести», вышедшему в начале 1843 г. Во многом влиянием Вельтмана объясняется пролог к «Хмелю, сну и яви», смысл которого: «Человек все один и тот же; отличается один от другого либо тем, что бог даст <...> либо <...> кафтаном — и это различие, бесспорно, самое существенное, на котором основано многое»¹.

¹ Даль В.И. Избранные произведения. М.: Правда, 1983. С. 203.

Писатели выходят в этих текстах за пределы «своей» сферы — русской древности и русского быта. Однако выход строится на аксиоме — «человек склонен ошибаться». Вельтман и Даль начинают с совсем не сказочных картин: первый обстоятельно описывает французские реалии XIV в., второй — жизнь владимирской деревни, где «кочевье бывает поводом порчи нравов»¹. Но на смену «хмельной» реальности приходит «сон» — фантастическое видение Иоланды и пьяный бред Степана. За ним — черед «яви», пробуждения, когда истинное положение дел открывается и читателям этих своеобразных детективов. Лишь в финале, когда раскрывается истинная

¹ Там же. С. 208.

подоплека событий, сюжет может завершиться излюбленными авторами средствами — Раймонд и Санция бегут, спасаясь в путешествии, Степан осознает единственную явь — «судьбы не минуешь!»¹.

Нельзя не признать оригинальность построения, как нельзя отрицать и то, что создатели сказочных миров, в которых по идее должен быть один закон для всех — закон не словесно выраженный, но изначально данный, не смогли выдержать единую интонацию на протяжении всего произведения. Натуралистичное и обстоятельное описание аутодафе у Вельтмана явно разрушает причудливую, основанную на очаровании «чудес» (это было отмечено уже в рецензии на сборник «Повести» в «Библиотеке для чтения»²) композицию перед самым финалом, будучи явной апелляцией к «неистой словесности», особенно к «Собору Парижской Богоматери» В. Гюго. (То же касается и Даля — прокурор, который не мог принять решение по делу Степана, будто списан у Гоголя Пересечения с «Мертвыми душами» и «Ревизором»³ настолько очевидны, что могут стать интересной иллюстрацией к теме «Гоголь и Даль», кажется, только намеченной в литературоведении). Персонажи «в других костюмах» опять оказываются неяс-

¹ Там же. С. 225.

² [Б. п.] В. Даль. Повести // Библиотека для чтения. 1843. № 10. С. 31.

³ *Даль В.И.* Избранные произведения... С. 223.

ными, чужими и чуждыми в мире, где правят «случаи» и «чудеса» — и в языке, и в сюжете.

Следует отметить, что «враждебная фантастика» появляется во многих текстах, публикуемых в «Сельском чтении» — например, в рассказах Вельтмана «Незванный советник» и Сологуба «Нечистая сила», где речь тоже идет о вреде пьянства. Но если «хмель» маркирует негативный аспект фантастики, то с понятием «сна» в большей мере связана иллюзорность, несерьезность фантастических текстов. В рассказе Даля фантастическое является враждебным и пугающим, в других текстах «Сельского чтения» оно представляет собой маргинальный элемент. Например, в «Рассказах дядюшки Ириней» В. Ф. Одоевского описано множество изобретений и нововведений. В некоторых случаях «фантастическая» и «подлинная» интерпретации. Особенно ярко это проявляется в рассказе «О чем дядя Ириней спрашивал у приезжих и что они ему рассказывали». Прием отстранения играет в данном случае не столько сюжетную, сколько педагогическую функцию.

Так, описание паровоза, встречающееся нам в данном произведении, сначала дается с точки зрения крестьянина Петрушки. Он считает, что «машина» запряжена восьмьюдесятью лошадьми, а черный дым, идущий из трубы, нужен для того, чтобы пироги печь.

«Я и спрашиваю у соседей: что за дым такой? — «Машину топят» — говорят; видно, пироги печь хотят, подумал я...

Вот, слышу, вокруг толкуют: «Машина в шестьдесят лошадей! Нет! В восемьдесят!» Ну, подумал я, эка мудрость, что скажут — шесть десятков лошадей запрягли!»¹

Но еще один герой рассказа — Ванька — знакомит Петрушку со строением паровоза и «магическая» интерпретация происходящего последовательно разоблачается, заменяется рациональной.

Примерно так же возникают «фантастические» гадины в рассказе о картофеле:

«Тихон: — Крещен-то ты крещен, я сам на твоих крестинах кашу ел; но все-таки ты истая чертова кукла.

Тришка: — Помилуй, Бога ради, почему?

¹ Одоевский В. Ф. Избранные педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1955. С. 314.

Тихон: — Просто-напросто потому, что черт тобою забавляется и наконец вовсе поберет. Ты уж теперь чаще ходишь в кабак, нежели в Божий храм, и готов кривить душой из алтына¹.

И далее описание нового дается по той же «фантастической» схеме: «...Какая-то гадина свистнула двум-трем простофилям на ухо: “не берите таблиц; зачем, де, вам таблицы? Это все выдумки, которых встарь не бывало; жили же и без таблиц! Это де мудрят одни Начальники!” Одурачивши простаков, гадина нырнула опять в болото, а старичишки и заартачились»². «Сон» рассеивается довольно быстро, всякое упоминание о подобной фантастике быстро отодвигается на периферию повествования.

Но присутствие «фантастического» в сочинениях, служащих педагогической цели, может служить и выявлению истины — «хмель» и «сон» поучительны, но наибольшую ценность имеет «явь». Первая книжка «Сельского чтения» открывается рассказом М. Н. Загоскина — заметим, имевшего уже опыт сочинения готических новелл (книга «Вечера на Хопре»).

Отец Василий — главный герой одноименного произведения с помощью своих фантастических рассказов способствует тому, что остальные герои перестают совершать дурные поступки.

¹ Одоевский В.Ф. О чем дядя Иринея спрашивал у приезжих и что они ему рассказывали // Сельское чтение. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1848. Т. 1. С. 55.

² Там же. С. 61-62.

Так, Авдотья перестает просить милостыню (что она делала, хотя в деньгах не нуждается и живет довольно богато), потому что, по словам отца Василия, с каждой принятой монетой мы принимаем на себя и грехи подающего.

А двух невесток он мирит благодаря своему рассказу, в котором девушки оказались в милости у Бога благодаря тому, что пообещали никогда друг с другом не браниться.

Что интересно, сам Отец Василий отказывается от «хмеля»:

«— Власть твоя, батюшка, а уж бражки выкушай!

— Нет, старик! У меня есть своя брага почище твоей: родниковая водица. Эту брагу сам Господь Бог создал на потребу человека»¹.

В этих случаях фантастическое открывает истинный облик мира, так как интерпретируется как чудо. Только при таком отношении фантастика допустима и полностью реабилитирована.

Отказ от последовательного использования фантастических элементов объясняется ограниченностью принятых автором условностей и педагогических задач. В рассказах Вельтмана очевиден переизбыток артистизма, «прыгучести», неуместный в педагогическом сочинении, в сказках и рассказах Даля очевидна последовательность этнографа. От них прямая дорога

¹ Загоскин М.Н. Отец Василий // Сельское чтение. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1848. Т. 1. С. 11.

(минуя попытки выстроить сказочный сюжет без сказочных средств) к подлинной энциклопедии народной мысли — собранию пословиц и слов. И в «Сельском чтении» пословицы и мудрые истины постепенно вытесняют «хмельные» и «сонные» видения. Но три варианта интерпретации фантастического (хмель, сон и явь) все-таки могут быть прочитаны как дискредитация, маскировка и реабилитация. И если принять эту аналогию, можно задать себе вопрос: много ли изменилось с тех пор?

Однако в практике «Сельского чтения» на первый план выходят как раз не фантастические, а педагогические элементы. К ним мы и обратимся далее.

ГЛАВА III

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НЕЛЕПОСТИ: ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ УЧЕБНИКОВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Всегда интересно наблюдать за тем, как деятели литературы осваивают различные отрасли научного знания и пытаются привнести художественные элементы даже в преподавание точных дисциплин. Как известно, многим русским писателям были не чужды филантропические побуждения. Но подчас хорошо задуманные проекты, например, учебники и пособия для крестьян, приводили к анекдотическим результатам. Некоторые примеры педагогического абсурда, основанного на несоответствии знаний аудитории и установок автора, мы и рассмотрим в настоящей главе.

Но начнем не с «Сельского чтения», а с другого, чуть более позднего эпизода. В 1848 году Л.Н. Толстой начал свою педагогическую деятельность в Ясной Поляне «только для того, чтобы спасти тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретовых, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе»¹. Проанализировав преподавание математики в школах, писатель подверг

¹ Толстой Л.Н. Письмо А.А. Толстой от 15-30 декабря 1874 года // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 18. С. 760.

острой критике официально признанную методику преподавания начал математики. Методические искания привели Толстого к такому выводу: «Математика имеет задачей не обучение счислению, но обучение приёмам человеческой мысли при исчислении»¹. Учебник был написан в двух частях с указаниями для учителя. «Арифметика» Толстого резко отличалась по своему содержанию не только от учебников арифметики своего времени, но и от учебников по данной дисциплине последующих десятилетий.

«Арифметика» содержит две части: «Целые числа» и «Дроби». Часть I имеет разделы: «Счисление», «Сложение и вычитание», «Умножение и деление». Часть II содержит разделы: «Десятичные дроби. Разные счисления», «Переименование дробей», «Четыре действия над простыми дробями».

Л. Н. Толстой составил таблицу четырех счислений, в которой содержится название чисел, их запись в славянском, римском, арабском счислении, а также, как откладывается каждое из чисел на русских счетах.

В своём уезде он занялся школьным делом. Предметом особого увлечения Л.Н.Толстого были занимательные задачи или задачи с неожиданными, нестандартными решениями и результатами. Писатель с интересом собирал такие зада-

¹ См. об истории этого определения: *Гильмуллин М.Ф.* О методике «Арифметики» Л.Н. Толстого // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2018. №. 20. С. 22-33.

чи, знал их очень много и всегда с удовольствием предлагал их членам семьи, знакомым и гостям.

Напомним несколько таких задач. Например, «Фальшивые деньги»:

Покупатель выбрал в магазине шапку стоимостью в 10 рублей и дал продавцу 25-рублёвку. У него не оказалось сдачи и он послал полученную 25-рублёвку для размена в соседнюю лавку. Покупатель получил шапку и 15 рублей сдачи. Когда покупатель ушёл, пришёл сосед купца, который сказал, что 25-рублёвка фальшивая. Первый купец вернул соседу 25 рублей. Сколько хозяин магазина понёс в этом деле убытку?

Или «Коровы»:

Трава на лугу растёт одинаково густо и быстро. 70 коров могут поесть ее за 24 дня, а 30 коров — за 60 дней. Сколько коров поели бы всю траву за 96 дней?¹

Интересно, что Толстой не принимал в расчет: такое огромное количество представителей рогатого скота было несколько удивительно для среднестатистического крестьянина — и явно мешал правильному решению задачи. Вообще жизнь русского крестьянина, предполагаемого адресата «Арифметики», была тесно связана с цифрами. А. И. Васильчиков в книге «Сельский быт и сельское хозяйство в России (1861-1880)»

¹ Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. В 24 томах. Том XIV. Арифметика / Под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. — М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1913. С. 207, 213.

пишет о том, что крестьяне должны были рассчитывать деньги на налоги и повинности, продовольствие и «другие предметы хозяйственного управления», предоставлять данные о числе душ, проживающих в доме, чтобы понять, кому сколько полагается земли¹. Как утверждают Ю. С. Кукушкин и Н. С. Тимофеев в книге «Самоуправление крестьян России», эти расчеты проводила община, которая также состояла из крестьян². Но вернемся к задачам... И рассмотрим решение не хозяйственных, а сугубо финансовых проблем, предложенное Л.Н. Толстым. Одна из задач так и называется — «Деньги»:

Муж и жена брали деньги из одного сундука, и ничего не осталось. Муж взял 7/10 всех денег, а жена 690 руб. Сколько было всех денег?³

Для Толстого здесь интересен вопрос «сколько?» — для крестьянина был интересен другой: на какие цели понадобились эти деньги?

Или задача «Наследство»:

«Пять братьев разделили после отца наследство поровну. В наследстве было три дома. Три

¹ См.: *Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство в России, 1861-1880. 2-е изд., [репр.]. Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2015. С. 35-57.

² См. об этом: *Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н. С.* Самоуправление крестьян России (XIX — начало XXI в.). М.: Издательство Московского государственного университета, 2004. С. 48-60.

³ *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 24 томах. Том XIV. Арифметика / Под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1913. С. 213.

дома нельзя было делить, их взяли старшие три брата. А младшим за то выделили деньги. Каждый из старших заплатил по 800 рублей младшим. Меньшие разделили эти деньги между собой, и тогда у всех братьев стало поровну. Много ли стоили дома?»¹

Крестьянский дом в середине XIX века стоил, как явствует из воспоминаний самих крестьян, около 100 рублей². Цифры, которыми оперирует Толстой, читателям могли показаться фантастическими...

К математике Толстой часто обращался в своих произведениях, дневнике, записных книжках, беседах с близкими. Математические понятия писатель использовал в блестящих афоризмах о характерах людей, познании, истине. Напомню некоторые из них: «Все люди так же равны: как равны прямые углы при всем видимом различии». «Человек есть дробь. Числитель — это — сравнительно с другими — достоинства человека; знаменатель — это оценка человеком самого себя. Но всякий может уменьшить своего знаменателя — свое мнение о себе, и этим уменьшением приблизиться к совершенству». В связи с этим о людях, имевших о себе высокое мнение, Л.Н.Толстой говорил: «У этого человека слишком велик знаменатель». «Если ученик в

¹ Там же. С. 215.

² См. сводные таблицы [Электронный ресурс:] <https://skaramanga-1972.livejournal.com/457727.html>. Дата обращения 17.07.2018.

школе не научился сам ничего творить, то в жизни он всегда будет только подражать, копировать, так как мало таких, которые бы, научившись копировать, умели сделать самостоятельное приложение этих сведений».¹

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 24 т. Т. XIV: Арифметика / Под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1913. С. 178.

Как видим, эти суждения отличаются куда большей логичностью и определенностью, чем условные «арифметические» задачи; здесь использование математических понятий осмысленно логически и не приводит к абсурдным результатам. И эти суждения неоднократно привлекали внимание исследователей. А учебник Толстого сопоставлялся с другими арифметическими задачками середины века, его педагогические идеи сравнивались с идеями Ушинского и Острогорского. Кажется, следует расширить контекст, в котором рассматриваются арифметические выкладки Толстого и вернуться к другим образцам «сельского задачника», воз-

можно, послужившим основой для педагогических опытов создателя «Арифметики».

«Век живи, век учись. Но учись доброму, тогда и дурное на ум не пойдет. Лучше слушать доброе, чем болтать пустое, да думать грешное. Была бы охота, учиться не трудно, а не в пример легче тому, кто знает грамоту».¹

Именно этими словами начинается альманах «Сельское чтение» под редакцией В. Ф. Одоевского и А. П. Заболоцкого. Многие русские писатели испытывали беспокойство из-за малограмотности российского народа и всеми возможными способами пытались привить крестьянам любовь к наукам и чтению через призму обыденных вещей. В «Сельском чтении» авторы дают советы по домоводству, гигиене, медицине и сельскому хозяйству.

Так, например, статья «Расчет о том, сколько можно сберечь денег, не пивши вина вовсе» С. С. Гадурина, содержит арифметические выкладки, прямо аналогичные толстовским:

Кажется, не велика беда пропить в кабаке гривну меди. А как пораздумаешь хорошенько, да сосчитаешь, то и выйдет много. Вот, хоть для примера, возьмем фабричных: многие из них пьют вино каждый день. Когда один человек будет выпивать утром на гривну и вечером на столько же, — то в целый год пропьет, ни мало ни много — 73 рубля. Да и только ли 73 рубля?

¹ Сельское чтение / Сост. В. Ф. Одоевский и А. П. Заболоцкий. — СПб.: Тип. М-ва государственных имуществ, 1848. Т. 1. С. III.

Глядишь, гораздо больше. Потому что по воскресеньям и по праздникам пьется более. К тому же выпивши, захочется и закусить, а подчас надобно угостить приятеля. А как все это сосчитаешь, так и выйдет, что в год снесешь в кабак не меньше сотни рублей! Стало быть, кто не пьет вина, сбережет в год 100, в 3 года 300, а в 10 лет 1000 рублей. А тысяча рублей для всякого добропорядочного крестьянина не шутка, а целый капитал, на который можно построить хорошую избу, весь двор, закупить рабочей скотинки, и завестись всем хозяйством! ¹

Суммы, которые называет автор статьи, могут показаться фантастическими, но в альманахе «Сельское чтение», вроде бы предназначенном для утилитарных целей, авторы очень часто избегают непосредственных деловых советов и, стараясь избегать ошибок, сообщают в «условиях задач» самую общую информацию»

Просветительский пафос очевиден и в толстовских опытах, явно связанных с традицией «Сельского чтения». Сопоставления можно продолжать, но их вполне достаточно, чтобы сделать следующие выводы:

1. «Арифметика» Толстого — задачник исключительно для сельского чтения и не может сравниваться с учебными пособиями для городских школ.

2. Задачи выстроены так, чтобы они оказывали педагогическое воздействие; Толстой учит

¹ Сельское чтение. СПб.: Тип. М-ва государственных имуществ, 1848. Т. 1. С. 137.

не столько арифметике, сколько нравственным правилам

3. Толстой остается в рамках дворянской педагогики — крестьянские дети не самостоятельные субъекты, а объекты воспитания, и особенности психологии читателей, базовые познания и представления не учитываются — и здесь Толстой вслед за авторами «Сельского чтения» допускает многочисленные нелепые ошибки, которые можно и нужно обсуждать, так как в данном случае экономические выкладки могут объяснить педагогическую неудачу.

Следует отметить, что и в «специализированных» пособиях последующих десятилетий числа в примерах были достаточно велики. Скорее всего, это связано с тем, что составители хотели научить крестьянских детей работать с большими числами. В книге «Арифметика для народных школ, составленная Гласным Тверского Губернского земства А. Т.» (1871) приводится следующая задача:

Хозяин имеет 125 штук овец, каждая овца дает в год 5 фунтов шерсти, стало быть, все 125 овец дают в год 125×5 фунтов шерсти. Но хозяин не умел запастись достаточную норму на зиму и лишился 35 штук овец, дающих в год 35×5 фунтов шерсти. Сколько у него осталось овец и сколько он в следующий год получит шерсти?¹

¹ Арифметика для народных школ, составленная гласным тверского губернского земства А. Т. Тверь, 1871. С. 76.

Также в учебнике встречаются и весьма жизненные, убедительные с точки зрения условий задачи: «Мальчик в осеннее и зимнее время обучался в школе 200 дней. На следующую осень и зиму заленился, и, под разными ложными предложениями, пропускал дни учения, так что обучался только 95 дней. Сколько он потерял драгоценных дней невосвратно?»¹

Также можно увидеть, что в XIX веке при составлении различных учебных пособий литераторы большое внимание уделяли именно бытовому контексту. И, как и в художественной литературе, в математических задачах реальность трансформируется. Но если в художественном тексте искажения ведут к созданию более или менее убедительной образной системы, то в задачах ситуация иная. Слишком большие для реальной жизни цифры использованы для развития вычислительных навыков у крестьян и обучения логическому мышлению. В результате возникает особый эффект: строгие логические условия задачи не соотносятся с реальной практикой, и художественная логика оборачивается логическим абсурдом: какой-то элемент не имеет никакого смысла в рамках данной теории, системы или поля, принципиально несовместим с ними. Хотя элемент, который является абсурдом в данной системе, может иметь смысл в другой... И «крестьянские» задачи кажутся вполне убедительными «образованным» читателям.

¹ Там же. С. 79.

Можно говорить о незаурядности и оригинальности отечественных писателей, которые стремились к тому, чтобы всякий русский человек был грамотен, образован и имел стремление к саморазвитию — но не очень хорошо представляли, как выработать эти качества у потенциальных читателей.

Однако «Сельское чтение» представляло весьма интересные образцы подобной работы. Они были учтены и А.Н. Толстым, и безымянными авторами губернских задачникков, и педагогами конца XIX века. Об одном из самых известных тверских педагогов и пойдет речь в следующей главе.

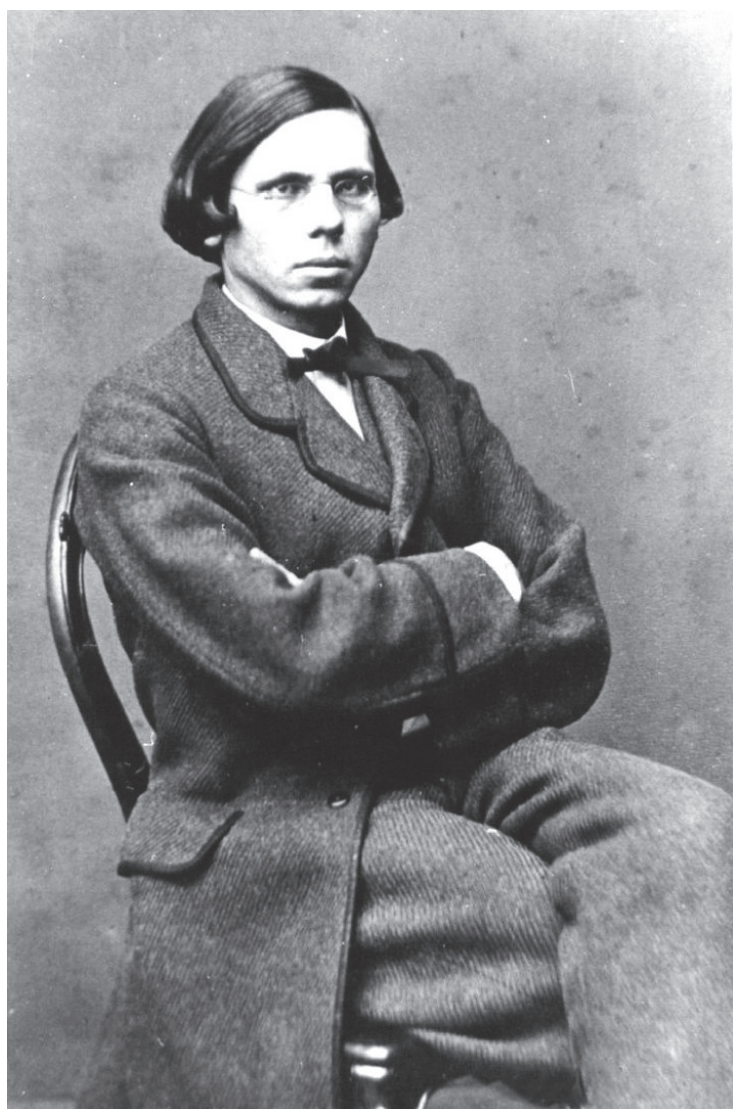
ГЛАВА IV

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И С. А. РАЧИНСКИЙ

Неужели только Одоевские и его единомышленники занимались разработкой теоретических и практических проблем сельского образования? С уверенностью можно сказать, что нет. И это позволяет нам обратиться к тверским материалам, отражающим изменение подхода к проблеме крестьянской грамотности. Может показаться, что традиции В.Ф. Одоевского во второй половине XIX века претерпевают существенную трансформацию.

Достаточно вспомнить о деятельности Сергея Александровича Рачинского (2 мая 1833 — 15 мая 1902). Рачинский, надворный советник, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, выдающийся деятель народного образования, сын Варвары Абрамовны Баратынской и Александра Антоновича Рачинского, вошел в историю российской педагогики. Несмотря на интерес к естественным наукам (профессор кафедры физиологии растений в Московском университете), решение посвятить себя изучению педагогики Рачинский принял довольно рано. Первые книги по данной теме, которые он использовал в своей педагогической практике — «Азбука» Л.Н. Толстого и «Родное слово» К. Д. Ушинского¹. В 1862 году

¹ См.: Рачинский С. А. Народная педагогика. М.: Русская цивилизация. С. 18.

Рачинский ведет переписку с Л. Н. Толстым, в которой обсуждает возможные пути развития образования, т. к. с нынешним состоянием дел он совершенно не согласен:

«Все те, которые в наших странах занимаются обучением детей, народ пьяный, колотящий ребят без пощады. Нам нужен хороший человек, человек попроще, который имел бы охоту к делу и здравый смысл (по возможности не из студентов)».¹

После разногласий с ученым советом (по политическим темам) в 1972 году вернулся в родное село Татеево (ныне Оленинский район Тверской области), где обратил внимание на нравы, порядки и быт крестьянского народа. Особенно заинтересовал его урок арифметики в Татеевской школе. Именно после его посещения профессор посвящает себя разработкам методики обучения крестьянских детей. Для школы Рачинский построил новое здание «с общежитием». Так была создана первая в России школа-интернат. После смерти ученого школе было присвоено его имя.

Как и Одоевский, Рачинский обращался к опыту иностранных философов. Особое его внимание, однако, привлекала не французская, а немецкая педагогическая мысль: «В годы учебы в Германии Рачинский познакомился с деятельностью профессора Йенского университета

¹ Рачинский С. А. Письмо от 22 мая 1862 г. // Толстой Л.Н.. Собрание сочинений в 22 тг. М.: Художественная литература, 1984. Т. 18. С. 588.

Карла Стоя — основателя нескольких учебных заведений, практику которого изучал и Константин Ушинский. Свои наблюдения Рачинский изложил в статье «Институт Стоя в Йене», где высказал актуальную и сегодня мысль о том, что воспитание любого народа должно быть национально ориентированными современным»¹. Но каждый раз Рачинский подчеркивал, что русская крестьянская школа должна идти своим путем, продиктованным индивидуальным течением истории и спецификой народного характера: «От качества ныне подрастающих русских поколений зависят судьбы мира. Ныне начинает слагаться умственный и нравственный облик самого многочисленного, самого сплошного из христианских народов вселенной»².

В отличие от Одоевского, Рачинский сам был учителем сельской школы и мог видеть ее строй изнутри. Скорее всего, именно поэтому в своих трудах (сборнике «Сельская школа» и отдельных статьях), Сергей Александрович очень большое внимание уделяет именно педагогам. Причем, не только с точки зрения того, КАК надо обучать, но и КТО должен обучать. Поднимается вопрос стрессоустойчивости и компетентности в преподавании базовых дисциплин.

Интересно и рассуждение на гендерные темы:

¹ Ушакова И. Предисловие // Рачинский С. А. Народная педагогика. С. 11.

² Рачинский С. А. Сельская школа. СПб., 1910. С. 280.

«Представляю судить читателям, не желательнее ли такое уравнивание, чем искусственное усиление неравенства через затруднение девочкам доступа к прочной грамотности. Не полезно ли для самих мальчиков с раннего детства убедиться в том, что их сестры, их будущие жены нисколько не уступают им в умственных способностях?»¹

Введение художественных дисциплин в школьную программу — так же является интересным нововведением, предложенным Рачинским. Он вводит в школьную программу пение и рисование, которые, как он считает, смогут выявить среди крестьянских детей талантливых деятелей искусства.

А чем руководствовался Рачинский, когда создавал школу-интернат? Помимо территориальной разбросанности соседних деревень, в этом вопросе интересно будет познакомиться с некой классификацией, которую можно выделить в одной из статей «Сельской школы»:

«Все сказанное мною об учениках наших школ относится к ученикам нормальным... Но кроме их, в состав учащихся в сельской школе входят и другие элементы: дети причетников, служащих при господских усадьбах, бездомные сироты, обучающиеся и живущие при школах на средства добрых людей, дети сельских торговцев и кабатчиков. Мелкопоместных дворян; наконец, в школе, в которой я учу. Дети латы-

¹ Рачинский С. А. Народное искусство и сельская школа. [Москва]: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. С. 18.

шей — арендаторов, в значительном числе поселившихся в нашем приходе...

Истинную язву наших сельских школ составляют дети торгашей и кабатчиков. Эта денежная аристократия наших сел, ничего не делающая для школ, отлично умеет пользоваться ими для первоначального обучения своих детей, затем нередко поступающих в гимназии и городские училища. Эти дети, выросшие в кабаке, в праздности и относительной роскоши, в атмосфере грязи и обмана, резко отличаются от всех прочих учеников. Школа, в которой они редко живут, не в силах перевесить тлетворного влияния домашнего очага».¹

В целом практические установки Рачинского очевидны, они были блестяще реализованы в работе Татевской школы. Однако в этой системе есть целый ряд ограничений, связанных с недостаточным учетом предшествующей традиции.

За четыре года обучения Рачинский считал возможным привить ученикам следующие навыки: «1) Умение говорить без *ошибочных* местных оборотов и речений...; 2) Умение читать с полным пониманием доступную по содержанию прозу и стихотворения пушкинского периода...; 3) Умение написать при должном внимании без ошибок против русского языка и правописания то, что бывает нужно писать в крестьянском быту: родственное письмо, прошение, ус-

¹ Там же. С. 23.

ловие»¹. Рачинский отказывается даже от толстовских текстов — они непонятны крестьянским детям и в языковом, и в смысловом отношении; вся литература «гоголевского» периода не может использоваться в школах. А ведь именно на эту литературную традицию опирались авторы «Сельского чтения» за 30 лет до Рачинского. Нет ничего удивительного, что тверской педагог опирается не на педагогические выкладки Одоевского (даже толстовская «Азбука» со временем начинает казаться Рачинскому слишком радикальной); ему гораздо ближе «указания, разбросанные в творениях трех незабвенных покойников: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и Ф. М. Достоевского»². И техникой «хорошего громкого чтения» «понятных» стихов оканчивается обучение литературе и языку. А «введение в программу сельских школ географии и отечественной истории пока возможно лишь в тех исключительных случаях, когда школа обладает значительными денежными средствами»³

Таким образом, С. А. Рачинский, ориентируясь на реалии сельской жизни, создает и реализует более ограниченную программу обучения. Текстам из «Сельского чтения» не находится места в практике его преподавания — в них слишком много отвлеченных идей, сложных

¹ Рачинский С. А. Народная педагогика. М.: Русская цивилизация, 2019. С. 107.

² Там же. С. 75, 111.

³ Там же. С. 137.

слов и рассуждений. «Дворянская педагогика» претерпела за 30 лет решительные изменения...

Но если мы обратимся к самой популярной книге С.А. Рачинского, «1001 задача для умственного счета», то увидим, что изменения не так уж велики. Рачинский подбирает задачи, используя близкие и понятные крестьянину исходные данные, избегая больших чисел и неправдоподобных имущественных условий, которые были так часты в «Арифметике» Л.Н. Толстого и которых не было в «Сельском чтении»: «Я трачу по 60 коп. в день. Сколько я трачу в год?... Я купил на рубашки ученикам 3 куса холста по 34 аршина. От этого холста у меня осталось столько вершков, сколько пошло на рубашки аршин, а на каждую рубашку пошло 4 аршина. Сколько у меня учеников?»¹

Но это удается не всегда — и в книге появляются «простые», но вызывающие недоумение у крестьян задачи: «Я купил 37 коров за 1000 руб. Из них 30 я купил по 24 руб. Почему я купил остальных?... Чиновник получает 500 руб. в год. В первые 7 месяцев года он тратил по 45 руб. Сколько может он, не делая долгов, тратить в каждый из остальных месяцев?»

Однако в большинстве случаев Рачинский умело избегает «педагогических нелепостей» — и сборник задач, им составленный, пользовался огромным успехом. Недаром на знаменитой

¹ Цит. по: *Баврин И. И.* Сельский учитель С.А. Рачинский и его задачи для умственного счета. М.: Физматлит, 2003. С. 45, 61.

картине Богданова-Бельского, написанной в Татево, изображен именно урок устного счета — методы обучения математике в школе Рачинского были ближе всего к передовым педагогическим традициям и представляли наибольший интерес.

Но и об истории с географией Рачинский тоже не забывал, вопреки декларативным заявлениям о практической невозможности их изучения. Достаточно прочесть его статью «Школьный поход в Нилову пустынь»¹. Это отчет об опыте практического изучения истории и географии на близком и понятном сельским детям материале. И объединению разнородного материала служит духовный опыт. Достаточно сравнить публикуемый в приложении текст В.Ф. Одоевского «Церковь» (по сути, редакционное предисловие к четвертой книжке «Сельского чтения») со страницами очерка Рачинского, посвященными церковной практике: «И сегодня в высокой, прохладной церкви, под гулками сводами с голосниками, с удвоенною силою, как бы с углубленным смыслом, раздаются те же трогательные моления, те же веские чтения»². Путешествие к святыне позволяет увидеть и древние храмы, и исторические места, получить начальные сведения об архитектуре и живописи, о технических достижениях и новинках.

¹ Статья впервые опубликована в журнале «Русский вестник» (ноябрь-декабрь 1887).

² *Рачинский С. А.* Народная педагогика. С. 178.

Несомненно, Рачинский, как и В. Ф. Одоевский, стремился к созданию, насколько это возможно идеальных условий для обучения сельского населения. Но их подходы разительно отличались друг от друга.

Одоевский видел сельскую школу «сверху», через призму аристократии, отсюда больше теоретических советов и практических заданий, требующих значительных интеллектуальных усилий.

Рачинский же, знакомый с «кухней» учебных заведений больше внимания уделяет психологическим и бытовым вопросам деревенского образования. Это существенно обедняет педагогическую практику и сужает пределы применения полученных знаний (например, Одоевский много внимания уделял таким сооружениям, как ветряные мельницы — а Рачинский обоснованно отмечал, что подобные сооружения в губернии не встречаются, и не рассказывал о них вообще, хотя и отмечал интерес к этим новинкам у крестьян).

Возможно, если бы оценки Хомякова и Аксакова не помешали тверскому педагогу должным образом оценить опыт «Сельского чтения» — результат его занятий был бы иным. Но сослагательное наклонение в данном случае неуместно. Рачинский совершил настоящий педагогический подвиг, продолжив многие традиции «Сельского чтения» — и для изучения истории педагогики дальнейшее сопоставление взглядов Одоевского и Рачинского было бы весьма продуктивным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поначалу, когда только начинаешь разговор об этом издании, «Сельское чтение» кажется альманахом с понятной программой и структурой. Просветительские идеалы, педагогическая концепция, тщательный подбор авторов, общие гуманистические установки и их развитие с учетом новых тем... Однако постепенно вырисовывается более сложная картина.

В.Ф. Одоевский объединяет в своем издании разные и достаточно противоречивые элементы. Несомненно, «Сельское чтение» выстроено с учетом триады «официальной народности». И «православие», и «самодержавие», и «народность» в «Сельском чтении» представлены — достаточно просмотреть программные тексты, которыми открываются все номера журнала. Однако такие произведения, как «Хмель, сон и явь» Даля и басни Крылова, явно не укладываются в концепцию. Парадигма «народного воспитания» принадлежит не 1830-м, а скорее 1870-м годам; недаром в конце века С.А. Рачинский учел и дополнил многие наработки Одоевского. Или описание мироустройства в тексте Заблочкиго: «Мир так велик, что нет ему меры и конца; звезд так много, что нет им числа. И весь этот мир сотворил Всемогущий Бог; и прежде не было мира, и не было ничего, кроме Бога»¹. А далее

¹ Сельское чтение. 1843. Кн. 1. С. 100.

воспроизводится строго научная картина мира, с описанием стран и народов, причудливых верований (специально подчеркивается, что «православные» — лишь представители одной из конфессий) и обычаев. В результате возникает интересный синтез материалистических и теоцентрических представлений; редактор не формулирует своей позиции, как бы предлагая читателям сориентироваться в огромной массе знаний.

Доверие к читателям заметно и на уровне формы. С одной стороны, басни Крылова пересказаны «для грамотных крестьян», с другой — поучения дядюшки Ириней достаточно сложны и предполагают владение навыками логического мышления. И жанровый состав сельского чтения неоднороден — в отличие от книг «для народа» Л.Н. Толстого здесь нет четкой градации жанровых форм, во многих текстах наличествуют признаки рассуждения, притчи, рассказа, сказки. В результате развернутое описание «содержания» приобретает в «Сельском чтении» глубокий смысл: «О том, что в этой книжке есть, кем рассказано и на которой стороне листа или странице напечатано»¹. Разнородные тексты существуют в едином пространстве; рассказанные — они становятся частью читательского опыта и воспринимаются совершенно особым образом.

¹ Сельское чтение. Вып. 2. С. III.

Несомненно, Одоевский учел уроки европейской педагогики, в свою очередь он оказал влияние на Толстого и Рачинского; писатель использовал опыт создания фантастических текстов при редактировании книг «для народа» и объединил «сказочное» и «рациональное» во многих текстах. Авторы «Сельского чтения» попытались решить и проблему обучения крестьян, создавая «примеры» и «задачи», понятные читателям.

Но, пожалуй, еще больше остается нерешенных вопросов. Не все тексты, напечатанные в «Сельском чтении», атрибутированы тем или иным авторам; дальнейшая работа в архивах позволит решить этот вопрос. Не установлены источники, на которых основывались авторы сочинений на исторические и географические темы. Мало известно о распространении и восприятии «Сельского чтения», об оценках, кото-

рые дали этому проекту сами крестьяне; тираж книги был очень велик, но вот кем и когда были востребованы полученные сведения. Еще предстоит решить вопросы, связанные с прохождением «Сельского чтения» через цензуру и прекращением издания.

Более важными, как нам кажется, являются не эти вопросы. Интересно было бы определить роль «Сельского чтения» в развитии «народной педагогики», связь альманаха с другими проектами Одоевского и Заблоцкого. Важно понять, какие специфические формы изложения использовались для передачи знаний грамотным крестьянам, как формировалось представление о «крестьянском мире» и как формируется единая нарративная структура в издании, авторы которого придерживаются подчас противоположных идейных позиций.

Данная работа — только попытка наметить основные перспективы изучения «Сельского чтения» и других аналогичных изданий. Работа предстоит немалая. И тут нельзя не вспомнить предисловие Одоевского ко второму выпуску «Сельского чтения»:

«...особливо если что с первого раза в толк не возьмешь, прочти в другой раз, а ино место и в третий, тогда и увидишь, что мудреное легким покажется. Только надо старанье.

Так читайте же, добрые люди, уму на пользу и душе в утешенье».

ПРИЛОЖЕНИЕ I

РОСПИСЬ СОДЕРЖАНИЯ АЛЬМАНАХА

«СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ»

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ,

ИЗДАННАЯ

княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Завлоцинымъ

(Издание третье.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Сельское чтение.

**Книжка первая, составленная из трудов
А.Ф. Вельтмана, Н. С. Волкова, С.С. Гадурина,
В. И. Даля, П.И. Иванова, М.Н. Загоскина,
П.И. Победина, К.Ф. Энгельке
Князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким
Санкт-Петербург**

**В типографии министерства государственных
имуществ**

Цензурное разрешение 15 июля 1844 года.

Загоскин М. Н. Отец Василий. — С. 1-16.

Одоевский В. Ф. и Заблоцкий А. П. Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро. — С. 17-23.

Вельтман А. Ф. Незванный советчик. — С. 24-29.

Даль В. И. Притча о Дятле. — С. 30-31.

Даль В. И. Притча о дубовой бочке. — С. 31.

Заблоцкий А. П. О том, какой хлеб какую землю любит. — С. 33-35.

Заблоцкий А. П. Как надобно пахать землю, чтобы хорошо хлеб родился. — С. 35-39.

Волков Н. С. Грамотка, писанная со слов крестьянина Сидора, сыном его Тимошею. — С. 40-53.

Энгельке К. Ф. Разговор между тремя крестьянами в селе Михайловском. — С. 54-66.

Победин П. И. Рассказ о том, как крестьянин Спиридон научил крестьянина Ивана не пить вина, и что из того вышло. — С. 66-80.

Иванов П. И. Кто делает все на авось, у того все хоть брось. — С. 81-92.

Одоевский В. Ф. Что такое чертеж земли, иначе план, карта, и на что все это пригодно. — С. 92-99.

Заблоцкий А. П. О том, что называется миром и что такое земля, — и о томкак велико славное Русское государство и что в нем есть. — С. 100-112.

Заболоцкий А. П. Рассказ о том, откуда пошло Русское Государство, как оно было и какие великие дела в нем сделали Православные Государи. — С. 113-130.

<Б.п.> О мерах, весах и деньгах. — С. 131/

Гадуриин С. С. Расчет о том, сколько нужно сберечь денег, не пивши вина вовсе. — С. 135-136.

Сельское чтение

Книжка вторая,

изданная

Князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким

Санкт-Петербург

В типографии И. Глазунова и Ком.

Заболоцкий А. П. О том, что такое год что такое месяц, сколько в году дней а во дню часов, и что такое год высокосный. — С. 1-6.

Заболоцкий А. П. Рассказ о том, какие Православные Государи царствовали в России после Петра Великого, и какие дела сделала Императрица Екатерина Великая. — С. 6-21.

Одоевский В. Ф. Грамотки дяди Ирины.

1. Кто такой дядя Ириней, о чем его парни спрашивали и откуда пошли его грамотки. — С. 21-26.
2. О чем дядя Ириней спрашивал у приезжих и что они ему рассказывали. — С. 26-40.
3. О том, что дядя Ириней видел в своей печке и как он о том рассказывал. — С. 40-59.

Одоевский В. Ф. Сказка о том, кто такой был Ванька ротозей, от чего он клада искал и где его нашел. — С. 59-90.

Заболоцкий А. П. Что значит вскормить дитя. — С. 91-93.

Волков Н. С. Коли грамотка дастся, так на ней далеко уедешь. — С. 94-105.

Даль В. И. Не положив не ищи. — С. 106-107.

Даль В. И. Что знаешь, о том не спрашивай, попусту слов не теряй. — С. 108.

Война-Куринский А. А. Что у кого болит, тот о том и говорит. — С. 108-117.

Заболоцкий А. П. О том, что случилось в селе Староверовка, и что рассказывал крестьянин Прокофий про немцев-колонистов. — С. 117-134.

Одоевский В. Ф. Кто такой дедушка Крылов. — С. 135-139.

<Б.п.> Притчи дедушки Крылова:

1. Крестьянин в беде. — С. 140-141.

2. Совет мышей. — С.142-143.

3. Лягушка и Вол. — С. 144.

Карнович Е. С. Как узнается ленивый крестьянин. — С. 145-146.

Карнович Е. С. Приметы ленивой хозяйки. — С. 146.

<Б.п.> За добрые дела и Бог благословляет и Государь награждает:

Агафья Сквородникова. — С. 147

Крестьянин Егоров. — С. 148.

Малороссийский казак Хвосников. — С. 149.

Сельское чтение

Книжка третья,

изданная

Князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким.

СанктПетербург,

В типографии Карла Крайя

Одоевский В. Ф. Рассказ дяди Иринаея о том, что вокруг человека, и о человеке. — С. 1-9.

Протопопов Д. С. Кто такой Давыд Иванович, и за что люди его почитают. — С. 10-14.

Даль В. И. Что легко наживается, то еще легче проживается. — С. 14-16.

Даль В. И. Ось и чека. — С. 17-18.

Одоевский В. Ф. Что значит украсть пятак. — С. 18-19.

Саллогуб В. А. Нечистая сила. — С. 20-28.

Одоевский В. Ф. Как дядя Ириной рассказывал о том, что такое чистота и к чему она пригодна. — С. 29-30.

Одоевский В. Ф. От чего крестьянин Демьян себе ноги отзнобил и навек калекой пошел. — С. 30-34.

Заболоцкий А. П. О том, как надобно обращаться с домашней скотиною. — С. 34-40.

Заболоцкий А. П. Плохо тому, кто не умеет жить в своем дому. — С. 41-43.

Одоевский В. Ф. Заметки для памяти. — С. 44-47.

Одоевский В. Ф. Что такое выставка сельских произведений, на что она, какая от нее польза, и что было на выставке. — С. 48-57.

Заболоцкий А. П. О том, что такое растение, как оно живет и чем оно питается. — С. 58-66.

Сельское чтение

Книжка четвертая,

изданная

Князем В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким.

СанктПетербург,

В тип. И. И. Глазунова и комп.

<**Одоевский В. Ф.**> Церковь. — С. 3-5.

Одоевский В. Ф. Крестьянин Андрей Иванович Свинолюбов. — С. 6-10.

Даль В. И. Родство и служба. — С. 11-16.

<**Б.п.**> **Басни**

1. Дворовая собака. — С. 17-18

2. Верховой конь. — С. 19

3. Муравей и зерно. — С. 20

4. Соловей и чиж. — С. 21

Даль В. И. Хмель, сон и явь. — С. 22-41.

<**Б.п.**> **Пословицы.** — С. 42-45.

Заболоцкий А. П. О том, что такое животное, как оно живет, что ему здорово и что нездорово. — С. 46-54.

<Б.п.> Домашние животные.

1. Лошадь. — С. 55

1. Как можно исправить норовистую лошадь. — С. 60-62
2. Отчего у крестьян иногда не ведутся лошади, и чем тому помогают. — С. 62-64.
3. Как барышники продают лошадей и что надобно смотреть при покупке лошади. — С. 64-69.
4. Как надобно обращаться с молодой купленной лошадью. — С. 69-70.

2. Рогатый скот. — С. 71

1. Как надобно содержать племенных быков. — С. 73.
2. Как надобно обращаться с стельными коровами. — С. 74.
3. Что надобно делать с телятами. — С. 75-76.
4. Как надобно держать взрослый скот зимою. — С. 76-77.
5. Как надобно взрослый скот выпускать на пастбище. — С. 78.
6. Как надобно доить коров. — С. 79.
7. Как надобно обращаться с рабочим скотом. — С.80-81.

Заболоцкий А. П. Не всякая пословица не мимо молвится. — С. 82-83.

Заболоцкий А. П. Пить до дна не видать добра. — С.84-86.

Одоевский В. Ф. Притчи немецкого мудреца. — С. 87.

1. Притча о яблоке. — С. 88-89.
2. Житель Афонской горы. — С. 89-91.

Одоевский В. Ф. Добра не забывай, обиду прощай (любимая пословица дяди Иринея). — С. 92-94.

<Б.п.> Глупая забава. — С. 95-96.

Заболоцкий А. П. Пожалеешь лычко, заплатишь ремешко. — С. 97-98.

<Б.п.> Храбрая Фекла. — С. 99-100.

<Б.п.> Неустрашимый мальчик. — С. 101

Заболоцкий А. П. Не шути с огнем. — С. 102-104.

Одоевский В. Ф. Советы на случай повальных болезней. — С. 105-108.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ТЕКСТЫ
ИЗ
«СЕЛЬСКОГО ЧТЕНИЯ»

А.Ф. ВЕЛЬТМАН
НЕЗВАННЫЙ СОВЕТЧИК

Знаете ли, братцы, что ходит между людьми такой советчик: звать не зови, просить не проси, а уж он непременно придет под ухо со своим советом, не с верою, а с мерою. Иди прямо — здесь не путь, говорит; делай дело — перестань, говорит; говори правду — нет, солги, говорит.

Казалось бы, пустая голова такой советчик, как пустая хоромина; да нет: и из пустой хоромины — либо сыч, либо сова, либо сам сатана.

Примером сказать, у одного мастера столярного производства был подмастерье; добрый, дельный малой, правая его рука, да не набожлив был. Славный у меня подмастерье, думал хозяин, через год дочка невеста, отдам за него замуж; все свое заведение отдам в приданое; я же поустарел, под моим присмотром у молодого хозяина работа пойдет успешнее: к моему знанию прибавится его знание, к моему знакомству его знакомство, к моему счастью его счастье, — заведение улучшится; увеличится, — больше честного труда, больше будет веры, больше и сбыту. Зять мой не будет терпеть той нужды, какую я изведal. Покуда спознался со своим делом, да с добрыми людьми: он начнет на всем готовом. Так думал мастер, и подготавливал подмастерья в наследники и ремесла своего всего нажитого трудом, без клюки и лжи. Добрая доля готовилась подмастерью, если б жил он под Богом,

знал да слушал только своего хозяина и не отвел уха на сторону. Все шло хорошо и жилось хорошо, да вдруг откуда ни возьмись таков советчик: э-эх, брат Иван, зажился ты в подмастерьях! С твоей умной головой, да с золотыми руками самому бы давно мастером быть? Хотя тебе радеть про чужих людей! Знаем мы твоего хозяина: твоим умением наживает он себе имение!...

Слушал-слушал подмастерье, и набрался спеси: в самом деле, думает, чем я не мастер! Не хочу жить в подмастерьях!

Бывало, такой послушной, смирной, хозяйское слово свято; а тут вдруг слово за слово, да и потребовал расчета.

— Помилуй, говорит хозяин, с чего ты это взял отходить от меня? У меня ли тебе было не житье как родному сыну? Побудь хоть годок, Бог даст рассчитаемся по любви и совету, чтобы ни твои подвиги под ногу, ни мои заботы по боку.

Ничто не берет; стоит подмастерье на худом да на своем.

— Ну, говорит хозяин, Бог с тобой! Вольному воли, ходячему путь.

Отошел подмастерье от хозяина, заводит свое заведение: на то деньги, и на другое не щепки; а денег не с гору. Что ж, думает, поеду сперва на палочке, а потом и конька заведу. И накупил он кой-каких инструментов, нанял кой-каких работников. Ко всему этому надобно бы кой-какую и работу; а заказов нет, нас еще никто не знает. Вот, чтобы узнали, на последние деньги вывесил вывеску с золотою надписью. И вывес-

ка не помогает. Как тут быть? Не на площади же работать. Чем бы призвать Бога на помощь, а наш новый мастер стал думу думать, да придумывать, как бы ухитриться, найти заказчиков? И советчик на ухо: «Ноги не высоки, поднимайся на ходули; ступай по хозяйским знакомым, отбей у него работу; посбавь цены, все за тобой будет».

«В самом деле! — подумал он; проведал, что один богатый купец собирается заказывать бывшему его хозяину мебель на весь новый дом. Пришел к нему. Здравствуйте, сударь, такой-то по имени и отчеству; вы изволите заказывать бывшему моему хозяину мебель; я бы с вас гораздо подешевле взял: у меня теперь открыто свое заведение; и прежде мебель я же на вас делал: хозяин знает только деньги брать, да еще и берет-то втридорога. Вот, за это креслицо на колесах взял с вас сто рублей, а я бы за пятьдесят сделал».

Соблазнился купец дешевизной, заказал нашему новому мастеру большой заказ, и требует, чтобы все было через месяц готово. Велик заказ, и в три месяца не закончить в темном углу, на двух станках, в четыре руки; да лаком кусок. Ну, как-нибудь повернемся, думает, и взялся. Выпросил, вымолил задаток на покупку дерева. А кроме дерева, надобно прикупить того и другого, принанять работников; да хоть овин гори, а молотильщиков корми: и работников кормить надобно, и самому не голодать стать. На всю подготовку достало, да не хватило на красное ленточное дерево. Как быть? А советчик: да ты возьми, говорит, у краснодеревщика на имя

бывшего хозяина; чай, он не знает, что ты отошел от него, поверит; до счетов успеешь рассчитаться, не узнают. «В самом деле!» — подумал он и пришел. Здравствуйтесь, такой-то по имени и отчеству, пожалуйста отпустите *нам* штуку ленточного красного дерева.

— Что такую малость берете? — Да так, пондобилось, не достало под масть. — А записка есть? — Нет, без записки послали. — Ну, бери, честь чести и на слово верит.

Раз обманешь, а на другой говорят: веры не имам. Да наш новый мастер об этом не подумал. Началась работа. Дерево немножко сыренько — высохнет на печке, сойдет с рук! Да верно и дерево любит холю и исподволь, на печке ему не сохнет: тут его готовят, обклеят красным деревом, лаком покроют; а его то там, то сям раздерет. Чем бы делу идти от начала к концу; а тут, то вставь, то подклей, то снова начни.

А купец требует мебели: готова ли, да готова ли мебель? То на будущей неделе будет готова, то на этой неделе поспеть, то в тот день, то в другой. *Завтра* тянулось с месяц. Наконец кончил, привез, сам расхваливает.

На гнилой товар, верно, был слепой купец. Сдал мебель, взял деньги. Только что со двора — началась стрельба по всем углам; покою нет, хоть беги из дому.

Посылает купец за нашим мастером, чтобы хоть назад взял свою мебель. Нейдет, некогда: бывший его хозяин узнал, что он на его имя забирает дерево в долг, попросил было его под ка-

ланчу; да склонясь на молитвы, простил по доброте души.

Видит наш новый мастер, что на кукушечьих яйцах цыплят не высидишь, взмолился хозяину взять его опять на подмастерья.

— Нет, друг, теперь на тебя плоха мне надежда: чего отведал, того захочется и съесть, — отвечал хозяин.

Пришлось нашему мастеру из мастеров идти в работники; да если бы снес свое горе в храм Божий — справил бы себя на добрый путь; а он, с горя, не за молитву взялся, а за думу, по пословице «навяжется шаль и покинуть жаль»; а советчик на ухо: «о чем горевать, говорит, ступай лучше горе запей, говорит». Он и запил. И потопил он во лжи и в вине свою добрую долю.

Сельское чтение. — Ч. 1. — С. 24-29.

Н.С. ВОЛКОВ
**КОЛИ ГРАМОТКА ДАСТЯ,
ТАК НА НЕЙ ДАЛЕКО УЕДЕШЬ**
(разговор двух крестьян)

Иван: Антоныч, знаешь, что?

Антоныч: Скажешь, так узнаю.

Иван: Ведь плохо!

Антоныч: Что плохо? Чего там еще испугался, не хлеба ль у тебя нищий попросил?

Иван: Какое хлеба? — ты все, Антоныч, надо мной издеваешься, разве я виноват, что беден; всякий живи, чем Бог послал; есть и такие, что с голода мрут, а я слава тебе, Христос, живу уже давно, хоть и того...

Антоныч: Ну так, верно, молодухи над тобой насмеялись — экие какие мудреные!

Иван: Полно, Антоныч, оставь, я вот что тебе скажу — был я на погосте да в правлении, —

поговаривают еще о чем-то, да не знаю, правда ли?

Антоныч: Что такое? Я и сам был там недавно да ничего такого не слышал.

Иван: Говорят, что какие-то школы заводить станут?

Антоныч: Да, это-то, ну так что?

Иван: Как что? Кто их знает, какие такие будут школы, да все-таки до этой поры их не было.

Антоныч: Мало чего не было; зачем и ты родился, коли прежде тебя не было? Кажись, прожили бы и без тебя. Зачем ты коня завести хочешь? Живешь и без курицы.

Иван: Я хоть родился, да никого не учу и не тревожу, помолюсь иной раз о чем-нибудь соседу, дадут — ладно, а не дадут — и на том спасибо; а в школах-то учить будут. Хочешь не хочешь, да учись грамоте. Ты говоришь, коня хочу купить, вестимо, хочу и давно хочу, да куплева нет; а коли куплю, конь соху потащит, а грамота кого повезет?

Антоныч: С тобой, брат, толкуй хоть до завтрака, ты все свое городить станешь. Век свой краснобайничал, молол да перемалывал, а посмотришь, ни кола, ни двора, ни мала живота не намолол, и все от того, что некому было жерновов твоих поточить.

Иван: Да, да, да, вот оно что, — я и забыл, что Ефимка твой к писарю ходит; то-то ты так и вступился, посмотрим, чему он выучится, — подождем, коли Бог продлит веку, лучше ли он тебе полосу запашет по-грамотному. Да и писарь наш хоть и мужик, а чай замялся бы, кабы

его пустили с сохой; перо-то полегче сохи будет, как думаешь?

Антоныч: Поди ты прочь. — Мне недосуг с тобой, прости Бог, забавляться. Кабы мужик ты был настоящий, так я бы рассказал тебе кое-что. Уж не раз я принимался за тебя; еще отцу твоему, вечная ему память, обещал приберегать тебя, да кто такому сыну поможет? Видно, горбатого могила исправит.

Иван: Я слушаю, слушаю, Антоныч; расскажи, не сердись, ты ведь с командирами знаешься, у тебя и кумовья господя, а мы люди темные; для чего не послушать.

Антоныч: Будет ли прока? Тебя-то мне давно не жаль, да жалко глядеть на твоих ребятишек. — Шутка ли, теперь к котомке приучаются, чего от них дожدهшься? — Ты, верно, Бога не боишься.

Иван: Этой ты, Антоныч, Бог даст годы получше, так поправимся, Его святая воля!

Антоныч: Бог даст старательному, а тебе не знаю, даст ли; кабы ты сберег все, что тебе Бог послал на твоём веку, так не то бы и было; недаром тебя и командиры журят и срамят на сходках.

Иван: Командирам-то не диво приказать, каково-то выполнить? Вон вчера, говорят, сей картофель, а где его взять? И хлеба нет, так уж не до картофеля. Голова-то, давно ли сам кланялся, а не дали синий кафтан. Так хоть вези его шестериком.

Антоныч: Вот видишь, как ты мелишь! Как тут с тобой толковать? Голова, небось, твоим хлебом сыта стала? Он кому кланялся, тому и

теперь кланяется, а что не на нашу сторону воротит, так от того он и командир, надо же кому-нибудь приказывать; а если давать тебе делать, что ты хочешь, ак о том и приказывать не надо: ты и без приказа сделаешь, да только что из того выйдет? — Не гляди, что у него синь кафтан, он в сером зипуне верно крепче спал и на голой скамье, чем теперь на перине. — Мы каждый сам за себя отвечаем, а он за многих.

Иван: Не захотелось ли тебе пощеголять с галунами? Уже не в головы ли ты норовишь, дядюшка?

Антоньч: Нет, брат, над такими, как ты, не захотел бы быть командиром, хоть озолоти; да притом, теперь уж и пора прошла. Как начальники узнали, что и мужик поймет, если его учить станут, да начинают заводить школы, так теперь какая им неволя с нашим братом слепым возиться. Мне что писарь не напиши, не прочесть, и что не скажет, я все забуду, а грамотный и прочесть и сказанное записать может, продать ли захочет, купить ли что, никто не обманет.

Иван: Экая диковина! Было бы на что купить, купил бы и без грамоты, хоть у цыгана. Много купцов безграмотных, да не бойся, маху не дадут.

Антоньч: Кому как задастся? Есть головы всякие, одному удастся, а десятерым и нет, на них не смотр, без грамоты они богаты; а почем знаешь, чтобы они были, как бы грамоту знали? Вот я тебе расскажу, уж так и быть, штуку, если не для тебя, так для твоих ребят, авось когда-нибудь пригодится.

Помнишь ли, как я прошлого года по осени ездил в Петербург с поклажей? Еду я в сумерках, да и думаю, где бы мне остановился на ночлег; это было по ту сторону Долговки, а там все, знаешь, лес да столбы, а деревни нет, кое-кто навстречу проедет, а попутчиков никого. Мне так сгрустнулось, что я хотел уже назад вернуться на постоялый двор, от которого версты четыре отъехал, да деньги чужие были за пазухой, так поопасался чужого народа. Только слышу, впереди затянул кто-то песню, всматриваюсь, что-то чернеется, думаю, навстречу кто, нет; а все вперед и песня тоже; стой же, видно, попутчик; подогнал коня, так и есть — двое на телеге; я в догоню, а они от меня, чтоб их, прости Бог, леший встретил! Так и не догнав бы, да деревня случилась, ну, думаю, теперь и вы мне не нужны; только вижу — они заворачивают на двор. Мне деревня незнакомая; где ни стать, так стать. Я повернул им в след; они просятся ночевать, и мне хозяйка не отказала. Пока разостанавливались на дворе, я и разглядел, что мой попутчик был молодой парень с какой-то бабенкой. Задал коню сеня, да и пошел в избу, изба полнехонька, пока и протирал глаза с темени, да глядел, кудабы присесть, парень-то тот и подошел ко мне борода к бороде; «это ты что ли, земляк, за нами гнался?» — «Я.» — «Мы уж думали, какой недобрый».

«Да уж и ты не горазд мне добрым показался; не добра я тебе и пожелал, прости Господи!» — «А из каких ты мест?» спрашивает он. Да из-за Великих Лук послан барином. — «Какой усадьбы?» — я и рассказал ему, а он и зардовался;

«ну, садись, земляк, рассказывай мне, я знаю вашу сторону, да давно не бывал». Спрашивал про то, про другое, про Сеньку Лысого, про вдовину семью, что на заречье жила, знаешь? Про всякое разное. Только далее да более, более да далее, мы так заговорились, что и не слышали, что около нас делалось. Вдруг хозяйка завопила: взгляните ради Бога! Пропала моя голубушка! Один сын был, да и того не будет! Желанный Андрюша! Да что ты натворил такое? То за напраслину напутали злые люди! Я посмотрел, и вижу, стоит сотский с дубинкой, да с ним, должно быть, писарь. В синем кафтане; а хозяйка перед ними так и петушится. «Не дам вам его, говорит, хоть невесть какие грамоты читаете; умру на месте, а не выдам, пускай исправник придет, да сам разберет напраслину и заступится за нас». — Мой земляк тут закричал на бабу: «Да погоди же, хозяйка, дай выговорить им, что им надо? Да выслушай хорошенько, твой сын не мальчишка, и сам не дастся в обиду». Вот писарь и начал говорить: из суда пришла бумага в контору, взять под караул Тихонова сына Андрея, который ездил в прошлом году за кожьем, был около Петрова дня в какой-то деревне, купил две конины у мужика, да уходя из избы вечером, подпер калитку, а хозяйка того мужика пришла к ночи домой и не могла достучаться; наутро выломали калитку и нашли хозяина мертвого. — Так, стало быть, Андрей его убил.

Не успел писарь договорить, как хозяйка бросилась на него со всех ног, как ошалелая; зажала ему рот руками, писарь повалился на стол,

стол с чашкой щей на нас; соцкий и другие кто был, схватились за хозяйку и пошла такая, прости Бог, баталия, что ты и на праздничной лучше не видывал. Да к тому же светец с лучиной повалился, а баба-то такая здоровая, ну что тут делать? Насилу, кое-как оттащили хозяйку, кто за руки, кто за ноги, связали ее да усадили, а потом и Андрюшке локотки подтянули.

Иван: А писарь-то что?

Антоньч: Да что писарь? Чихнет, да табаку понюхает; нос-то его, правда, и без того был румян, да что ты с бабой станешь делать? Он-таки задел ее раз-другой, да та, видно, сильнее и притом взбесилась так, что и сама себя не помнила, а то, не бойся, не посмела бы и слова молвить; ведь писарь не простой мужик, да и делает, что начальство велит. Андрей попробовал на

словах отпираться, да видит, что делать нечего, замолчал, и повезли молодца, как вола на привязи; а мы улеглись спать, да только слова, что спали, хозяйка всю ночь провыла, а сотский просидел перед ней на карауле, чтобы чего над собой не сотворила.

Наутро я поехал своим путем, а недели через две еду назад, да и думаю: дай заеду к тому хозяину попросить, куда девали сынка-то их? Вхожу в избу, стал креститься — а Андрей тут сам и сидит. — «Как так, побратим! Стало, брат, оправился?» — Он вспомнил, что я был в тот день на ночлеге у них, когда его связали; да, говорит: «Оправился и скорехонько; тогда-то мне со страха было и не в догадку и сам не знал, что со мной делается, а после как стал командир допрашивать, я и вспомнил про свою записную книжку, послал скорее батьку за нею да и подал командиру. — А в записной-то книжку и видно было, что именно, где и когда я покупал. Вот брат! Говорит, не большой век живу, а уж не раз спасибо говорил батюшке, что грамоте заставил меня научиться. Если бы не книжка, чисто пропал бы и не видать родимой сторонушки, а в книжке-то и видно, что такого-то числа я покупал кожи совсем не в той деревне, где убийство случилось, а что у этого хозяина был я, да за три дня до его смерти но кожу я его не купил, потому что в цене не сошелся».

Такая вот, Ваня, деревня-то ему незнакомая, а ихней братии ездит много; но как по числам разобрали, да потребовали тех мужиков, на которых он показывал, что ему кожу продавали,

так и вышло на поверку, что Андрей прав, его выпустили.

Как бы со мной такая оказия случилась! Что тут делать? Как вспомнить: в какой день, где покупал в прошлом году? Как отбожиться? Не погубили бы, так затаскали бы по острогам, и прощайся с домом. Вот, брат, что значит! Грамота черкнете, — и памяти не надо, прочтешь, и спрашивать не надо. А в город-то придешь, — куда не посмотришь, везде написано, глядишь на все стороны и ничего не видишь, а кажется, все люди родились по Божьему и у меня такие же глаза, как у другого.

Иван: Ну, я не знаю, зачем нам и читать и что там написано? Ведь нас туда и не пустят, а куда пускают, там и духом доберешься: вот, примером сказать, питейные дома, прочтешь, брат, хоть в какую темень!

Антоныч: О! этому поверю. — А что, когда тебе за то прописывали, там знаешь? Под каланчой-то умел ли ты эту пропись прочитывать?

Иван: Нет, брат! — Там худо пишут, — так начеркают и вдоль и поперек, что ничего не разберешь.

Антоныч: Да и то плохо, что письмо такое скоро стирается; как бы годик другой ты проносил, то может быть и разобрал бы!

Иван: Спасибо, брат, вишь, тебе понравилась грамота, так ты и дал бы себя поучить.

Антоныч: Уж ты там как ни толкуй, а завидно глядеть на грамотного мужика, как-то у него все не так, как у другого: — и речь складнее и в доме лучше, и в руки что ни возьмет, не валится. Оттого-то я и рад, что моего Ефимку надоумило

мне к писарю посылать. Прежде только и дело матке, что на него кричать; уйдем все на работу, а он на улице с ребятами балуется, а не шалит, так и делать нечего. Того и гляди, что вырастет сорванец и отца из дома выживет. Теперь хоть сидит за книгой да доброму учится; уж много молитв знает на память. Знает, сам молится; мы — «Господи помилуй», да «Господи помилуй» и ничего больше сказать не умеем, а он молитву читает — поутру одну, вечером другую, а за обедом третью. В церковь Божью придем — что мы понимаем? Ровно ничего; — бабы про новины лясы точат, а мы — стоим, да волосами мух обмахиваем; а ведь обедню про нас служат и говорят не стенам, а нам, что Бог велел. А Бог велел для нас говорить, так, стало, и нам велел разуместь, о чем говорят. Ну, как же нам разуместь, когда мы грамоты не знаем! Ведь в церкви ни про соху, ни про борону не говорят, а мы только те слова знаем, которые в нашем быту часто употребляются, другие же речи только в книгах и написаны. Вот каково же брать подумать, что придется когда-нибудь и умереть и ответ Богу дать за все дела, которые против Его Святого закона творили?

Иван: Ну, дядя, вот уже этот раз на правду похож; только неужто мы виноваты, что грамоты не знаем, что ж будет с нами и нашими отцами?

Антоньч: Отцы наши и рады, может, были учиться, да негде и не у кого было в ихнее время; им Бог простит и нам теперь уж слишком поздно учиться; но по крайней мере, коли видишь, что добрые люди стали об нас заботиться

и заводить школы, то мы не должны детей своих отнимать от этого добра, а должны заставлять их учиться, тогда и нас за них Бог не оставит. Посмотри, какие будут годы! Что далее, то хуже, а все от того, что мы не хотим понять волю Божью. Худо родилось! — говорим, Богу так угодно было. Хорошо родилось! — говорим: вот как хорошо запашешь, так хорошо и вырастет. — Худое все на Бога сваливаем, а себя правим. — Давно я про душу свою думаю и теперь еще поспокойнее стал с тех пор, как Ефимку заставил учиться, а все как заговорю, так сердце и замирает. С грамоткой все бы, кажись, больше заслужил царство небесное.

Иван: Так как же, Антоныч, посылать ли мне старшего мальчика, как школу-то заведут?

Антоныч: Зачем, брат, ведь ты говоришь, что грамота не повезет; лучше путь его по избам шатает, да по миру ходит; тебе его и кормить не надо будет!

Иван: Нет, дядя, теперь ты не смейся; — ты знаешь, что я и сам не рад, что Бог меня приобидел и до людей не довел. Подчас я понимаю добрые речи, да вот эта проклятая дурь; — как попадет в голову лишнее, да как захожусь на посиделки и забуду. — Вот тебе крест, что pošлю мальчишку в школу.

Антоныч: То-то, Ваня, над грамоткой не шути: коли грамотка дастся, так на ней далеко уедешь.

Сельское чтение. — Ч. 1. — С. 96-105.

В.Ф. ОДОЕВСКИЙ
ЗАМЕТКИ ДЛЯ ПАМЯТИ

Молись и трудись; — трудись и молись; в том вся жизнь человека.

Вино веселит, да кровь жидит; думаешь, что получил от него крепость, а получил от него слабость; думаешь согреться, ан только трясавица проймет. — Щей горшок иль мяса кусок больше греют, чем вина крючок.

Пьяному море по колено и безумному тоже. Безумный пакость всякую делает и пьяный тоже; безумный — готов хоть душу загубить и пьяный тоже. Кто виноватее? Безумие бывает от болезни, а ты зачем болезнь на себя накликаешь?

Первый шаг к добру — не делай зла.

Забывай зло, никогда не забывай добра. За зло не плати злом, а плати добром. Лишь звери да скоты злом за зло платят; но даже и скотина добро помнит.

Не говори о своем счастье несчастному, а его слушай; выслушав, помоги, чем можешь тогда же, в даль не откладывая; дорога милостинка в скудный день.

Ложь да обман — большие грехи, да и в прок нейдут. Лживый человек словно фальшивые рубли делается; может быть, раз и удастся грош за рубль спустить. Тут, смотришь, и попался, да и на век погиб.

Не все думай да толкуй о деньгах, да о кармане; ведь карман-то не платье, — подумай и о платье; платье на рубашке, — подумай и о рубашке; рубашка на теле, — подумай и о теле; а в теле — душа, подумай и о душе.

Чем богаче платье, тем больше цены ему; чем здоровее тело, — тем лучше человеку; чем богаче и здоровее душа, — тем больше и цены ей и перед людьми и перед Господом Богом.

У иного и тело здорово, да душа больная; и тело дородно, да душа скаредная; а у другого тело скудно, да душа такая богатая, что ни на какие деньги ее не купишь.

Кормишь тело — корми и душу, а души прокормленье: молитва да ученье.

Трудно тому на свете проживать, кто не знает ни читать, ни писать. Неграмотный при грамотном словно слепой при зрячем; зрячий за версту кругом видит, а слепой и в руку возьмет так не разберет.

Ехали с возом два мужика: Иван да Кирилл в чужую деревню, в Никольскую, и по незнакомой дороге. У Ивана балы лошадь добрая, а у Кирилла из плохих; Иван версты на две обогнал

Кирилла; едет себе Иван потряхивается, да над Кириллом посмеивается; вот приехал Иван к такому-то месту, где дорога надвое разошлась, а на том углу и столб стоит с надписью. Ивана раздумье взяло: в которую сторону ехать? Посмотрел он на столб. «Эвось! Говорит, и столб поставили. Да что мне в нем толка? Кабы грамоту знал, прочел бы, что на нем такое, а не знаю грамоты, так на что он мне! А спросить не у кого».

Подумал Иван, да погадал, да и поворотил на авось, на лево. Через на почти дотащился на то же место к тому же столбу и Кирилл на своей клячонке; также призадумался, а спросить некого, да глядь на столб, а на столбе и выписано: «на право в Никольское». Кирилл прочел да при молвил: «спасибо отцу, что грамоте меня научил, уж куда мне теперь пригодилась». Кирилл своротил направо и прямехонько приехал в Никольское, — всего-то было версты две от столба. Приехал Кирилл, коня отпряг, сенца ему подбросил, сам пообедал, да и сидит с мужиками о своем деле толкует; смотрит, не видать ли Ивана, — ни слыхом не слышать, ни видом не видать. Вот Кирилл все дела покончил, что было на возу, продал, что нужно, купил, попопдничал, поужинал, да уж ложатся спать, вышел еще посмотреть, куда земляк запропастился. Видит: тащится Иван издалека, да лошадь у него захромала, заехал он невесть куда, где и про Никольское плохо знали; спрашивал встречного и поперечного; один скажет — сюда, другой — туда; проколесил Иван день-деньской по песку да по буеракам; сам истомился, проголодался,

да и коня замучил. Как разузнал он от Кирилла, кто его на путь вывел, так призадумался и при- молвил: «уж нечего греха таить — плохо негра- мотному; уж ты, Кириллушка, поучи меня, а я за то и сам тебе сослужу, случится лишний куль с твоего воза, на своем коне повезу».

Шли также дорогою: хромой да слепой.

«Ох! Плохо мне идти, — говорил хромой, — на деревяшке-то недалеко уйдешь по рвам да по камням, — весь истомился; ах, кабы мне да твои ноги!»

«Ох! Ох! — сказал слепой, — а мне еще плоше! Хоть и ноги здоровы; да то и дело спотыкаюсь; ах, кабы мне твои глаза».

«То-то т беда, — отвечал хромой, — что мне тебе своих глаз, а тебе мне твоих ног не приста- вить».

«Отчего не приставить? — молвил слепой, — ты человек-то тщедушный, а я здоровенный, садись ко мне на плечи; я тебя понесу, а ты мне дорогу будешь указывать, мои ноги за твои пойдут, а твои глаза за мои посмотрят».

Вот и влез хромой на плечи к слепому, и по- шло у них как по маслу: «Правее, левее», — по- крикивал хромой. «Держись только крепче!» — отвечал слепой. Так прошли они вдвоем по уз- кой тропинке между камней и оврагов и подоб- ру— поздорову добрались до ночлега.

Так и во всем бывает: что нет у одного, то есть у другого; каждому особняком мало, а вме- сте довольно; так уж Бог сотворил, чтобы была между нами братская любовь и мы бы друг дру- гу тяготы носили. — Грамотный неграмотного

учи; здоровый слабого поддержи, богатый бедному помоги.

А такое дело хорошо не только что за любовь, но и для пользы; вот в Ивановке были две семьи и жили они разно; у одного мужика — жена была здоровенная такая, что и дрова рубить и воду носить, — да лиха беда, ни щей, ни каши не умела сварить, так уж ей Бог дарованья такого не дал; щи сварит — словно помои, кашу сварит — вся пригорела, хоть в стену швыряй; а у другого брата жена была такая тщедушная, что едва полведра поднимала; дрова начнет рубить — только себя ранит; но зато была мастерица не только щи варить; но и пироги печь, и блины, и оладьи — так бывало, что кто ест, так чуть языка не проглотит. Плачутся оба брата: один на то, что баба у него слабая такая, что печи сама не истопит; а другой на то, что баба не умеет щей сварить. Подумали они, погадали, да и издумали из двух баб одну сделать; посадили их в одну и ту же избу, одна пошла дрова носить, а другая пироги печь; и пошло у них как по-писанному; и дрова наколоты, и вода принесена, и кушанье изготовлено, да и за детьми лучше присмотрено; а как стали счет сводить, то и вышло, что им вместе на целую треть выходило меньше, чем прежде на каждую семью разно.

Сельское чтение. — Ч. 3. — С. 44-47.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
ЦЕРКОВЬ

Когда ты въезжаешь в село, что прежде всего тебе бросается в глаза?

Церковь!

Стоит она выше всех домов; колокольню ты еще версты за две завидел. Церковь стоит поодаль от всех домов; ни на один дом она не похожа и больше всех домов. Ни в один дом не войдут миряне со всего села, а в церкви место для всех есть: и старому и малому, и богатому и бедному, и здоровому и больному. Все ровно предстоят перед Господом.

В этой церкви тебя крестили.

В церкви ты сочетался законным браком.

В церковь ты принес окрестить своего младенца.

В церковь тебя принесут, когда отдашь душу Богу.

Близко церкви тебя похоронят.

Словом, что бы важного в твоей жизни не случилось, во всем тебе помогает церковь.

И не тебе одному; посмотри — вокруг церкви лежат отцы твои, деды и прадеды. Все они в церкви крестились, женились, приносили крестить своих детей, все они там молились, где ты молишься.

И так было испокон века. Многое переменилось на селе: где был лес, там стала пашня; где было поле, там лесом заросло; ручей высох, а в другом месте ключ пробил, сами избы мирян стали то лучше, то хуже, платье на людях даже переменилось. Рода пришли; один мир народился и отжил; другой народился и также отжил, и много-много их было, в течение тысячи лет, и больше; одна церковь стоит как прежде была, без перемены, и все в ней также молитвы творят, и по тем же книгам читают, как читали за тысячу лет. И не только так на твоём селе, но и во всех селах и городах всего Русского царства.

Всюду войди, тот же алтарь, тот же иконостас, те же местные образа, и те же книги читают и те же молитвы творят, и тех же святых чествуют.

Стало быть, церковь не то, что всякий другой дом. В иной дом ты сам не пойдешь, в иной тебя не пустят. В ином доме у тебя друг, в ином враг. Но в церковь Божию все входят, и знакомые и незнакомые, и родня и не родня, и други и недруги; и часто враги, предстоя в одно время перед Престолом Божиим, умиляются сердцем и

забывают об обидах; ибо что пользы тебе, если ты вошел в церковь Божию, а зло на сердце держишь и ропщешь и укоряешь? Если ты к Богу пришел, то пусть и судит Бог, а не ты.

Подумай, хорошо ли делает иной, что в церковь идет, а за пазухой жалобу или другую бумагу несет, да еще иной норовит, чтобы тут же ту бумагу начальству подать, благо встретил? А ты слышал, что в церкви поют: *всякое житейское отложим попечение*. — А под житейским все житейское разумеется: и жалобы, и дела, и праздные мысли, и праздные речи и ссоры, и тяжбы, и уныние и отчаяние, все это на пороге у церкви оставь, а в церковь Божию не вноси; Бог знает все, что тебе нужно, и подаст тебе в свое время, если кто заслужит добрыми делами, а если и не подаст тебе, чего просишь, то и тогда благодари Бога, Он лучше тебя знает, что тебе дать или не дать.

Сельское чтение. — Ч. 4. — С. 3-5.

В.Ф. ОДОЕВСКИЙ
ПРИТЧИ НЕМЕЦКОГО МУДРЕЦА

Вы уже знаете, добрые люди, что на свете ни один народ русский; что не за горами, не за тридевять земель, а у нас, по соседству, есть народ немецкий, народ христианский, хоть и говорит другим языком. Искусства, наука, ремесло всякое у них в большом почете. Сам Государь наш, Петр Великий, ездил к ним учиться; и теперь не грех никому у них поучиться: они и сами, хоть народ и ученый, а все же учатся, и у других народов перенимают, если что приметят доброе и для себя пригодное. Вот у этого народа немецкого жил-был человек мудрый, ученый. Любил он науку, а еще больше любил людей. Любил он читать книги, а еще больше любил думать о Боге и Его творениях; любил он глядеть на мир Божий, — и чем больше глядел, тем больше замечал премудрость и промысел Божий во всем: и в зеленой травке на лугу, и в облаке поднебесном, и в лепете невинного младенца, и в умной речи взрослого человека.

Много благих мыслей впадало на ум этому мудрому человеку; что ему впадало на ум, то он писал, или рассказывал; а добрые люди читали да слушали. Вот некоторые из его рассказов, которые для всех не без пользы, кто бы они ни были: молодой или старый, немец или русский. Хорошее всегда хорошо, откуда бы ни пришло.

ПРИТЧА О ЯБЛОКАХ

Однажды люди тосковали о счастье: какое кому счастье суждено. Дело было не без зависти: больные завидовали здоровым, младшие старшим, а особливо, бедные богатым. Бедные утверждали, что только и есть счастье — что в богатстве, и что если человек богат, то все ему ни по чем.

Мудрец, выслушав все эти неразумные толки, рассказал следующую притчу.

Навал я одного богача, жил он в раззолоченных платьях; носили тонкое, дорогое платье; сладко ел, сладко пил: каждый день на дому был словно пир какой. Однажды приехал к богачу в гости старый друг; давно уже они не виделись; на радости, богач сделал пиршество и созвал гостей. На стол были поставлены золотые и серебряные блюда, а в блюдах были дорогие яства; кубки так же были золотые: а в кубках пенились заморские вина. Долго сидели друзья за столом; ели и пили, и были веселы; лишь хозяин почти ничего не ел и не пил, хотя и вел пышную речь со своими гостями. Под конец обеда приезжий друг сказал богачу: «Нигде я не видел такого богатства и такой роскоши, как у тебя; должен сказать, что нет человека счастливее тебя в целом свете».

Богач вздохнул, взял с золотого блюда яблоко и подал другу; яблоко было румяно и свежо на вид, — но когда его разломил — в нем сидел червяк и точил его сердцевину.

Все гости с удивлением посмотрели на богача, а богач промолвил: «То, что это яблоко, то и я; с виду я счастлив; а никому не заметно, что червяк меня точит».

С этими словами богач развернул свое богатое платье и все увидели, что на груди его была страшная, неизлечимая язва, которая называется раком.

«Вот мое и счастье, сказал богач; что мне в дорогой ястве? Не сладка она мне; что мне в золотом блюде — им рану не залечишь; что мне в деньгах, — на них здоровья не купишь!»

И с тех пор перестали завидовать богачу.

Что здесь о богатстве говорится, то и обо всем другом деле смекай. Не завидуй ни старшим, ни сильным, ни богатым; им, может быть, подчас, и твоего грустнее. Малая лодка по ручейку ходит и редко на нее беда бывает; большой корабль по морю плавает, да зато бурей его в дребзги разбивает. Посмотри, куда гроза бьет? Не в низкий кустарник, а в высокое дерево.

Бог дал нам ум на то, чтобы могли мы и свое доброе приумножить, и от беды охраниться; кто умнее, да учнее, тому чаще и удача бывает, но Бог нам дал ум и на то, чтобы в неудаче напрасно не роптать, а поближе посмотреть: отчего была неудача, чтобы вдругорядь быть смысленее; да еще дал нам Бог ум на то, чтобы никому не завидовать и помнить, что у каждого свои червяки на сердце.

ЖИТЕЛЬ АФОНСКОЙ ГОРЫ

На Афонской горе жил ученый, благочестивый муж; смолоду он научился разным наукам; знал целебную силу трав и кореньев; часто он ходил по хижинам бедных людей, лечил больных, утешал умирающих. И были ему от всех любовь и почесть.

Однажды ту страну посетила страшная зараза, чума моровая. Люди заболели, и многие умирали; во всех хижинах были больные, и отовсюду посылали за добрым и ученым лекарем, чтобы пришел и утешить и помочь нуждающимся.

Без устали ходил по больным добрый лекарь, и раздавал лекарство; иногда, когда мог захватить болезнь вовремя, он вылечивал; но чаще беспечные люди присылали за лекарем тогда, когда уж больной был при последнем издыхании; когда уже никакие лекарства помочь не могут, а неразумные люди упрекали и бранили доброго лекаря, как будто он был виноват в их беспечности.

Эти упреки оскорбили доброго лекаря; изнемог он и от усталости; и пришла ему мысль: «Зачем тружусь я для людей, да еще для неблагодарных? Зачем я жертвую собой для неразумных, которые не считают, кому я помог моим лекарством, а только жалуются, что не вылечиваю полумертвых; зачем я подвергаю себя опасности заразиться от больных, мне вовсе чужих? Останусь я спокойно на горе; чума сюда не заходит; а там, внизу, путь заболевают неразумные — мне дела нет; их вина».

В этих мыслях он пошел на гору; вдруг видит он, невдалеке, растет прекрасный цветок: и такой он красивый; и такой от него запах.

«Вот, подумал лекарь, и цветок меня тоже мучает; растет он здесь на горе, красуется, и ни до кого ему нет дела; ему здесь хорошо, ветерок повеваает, солнышко греет, роса обливает; и растет он здесь не кому другому, а только себе на радость. Так буду и я жить, думать только о себе, а о других не заботиться».

Между тем он наклонился над цветком, чтобы лучше его разглядеть. Смотрит: внутри цветка — мертвая пчела. Собирая мед и цветочную пыль, она ослабела, прилипла к цветку и замерла.

Лекарь посмотрел, подумал, — и краска стыда выступила у него на лице: «Боже!» сказал он, «прости моему унынию и неразумию! По Твоей воле набрел я на этот цветок, чтобы простое насекомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала мед? Не для себя, а для других. Так же как и мне, ей никто не скажет спасибо; так же как и мне, ее всякий гнал, а меж тем она все трудилась и на труде свою жизнь положила. Прости, Господи, мое уныние и разумение. Умудри и меня, как Ты умудрил пчелу медоносицу!»

И снова начал лекарь собирать целебные травы, и снова до пота лица стал ходить по хижинам и помогать больным, утешать умирающих.

Сельское чтение. — Ч. 4. — С. 87-91.

Содержание

<i>С.В. ДЕНИСЕНКО. ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	7	
ВВЕДЕНИЕ	11	
<i>ГЛАВА I</i>		
ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕДАГОГИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОЧИНЕНИЯХ В.Ф. ОДОЕВСКОГО		23
<i>ГЛАВА II</i>		
«СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ» И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА		33
<i>ГЛАВА III</i>		
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НЕЛЕПОСТИ: ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ УЧЕБНИКОВ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА		43
<i>ГЛАВА IV</i>		
В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И С. А. РАЧИНСКИЙ		55
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>		65
ПРИЛОЖЕНИЕ I		
РОСПИСЬ СОДЕРЖАНИЯ АЛЬМАНАХА «СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНИЕ»		69
ПРИЛОЖЕНИЕ II		
ТЕКСТЫ ИЗ «СЕЛЬСКОГО ЧТЕНИЯ»		77
<i>А.Ф. ВЕЛЬТМАН</i>		
НЕЗВАНЫЙ СОВЕТЧИК		79
<i>Н.С. ВОЛКОВ</i>		
КОЛИ ГРАМОТКА ДАСТСЯ, ТАК НА НЕЙ ДАЛЕКО УЕДЕШЬ		84

<i>В.Ф. ОДОЕВСКИЙ</i>	
ЗАМЕТКИ ДЛЯ ПАМЯТИ.....	95
<i>В.Ф. ОДОЕВСКИЙ</i>	
ЦЕРКОВЬ.....	101
<i>В.Ф. ОДОЕВСКИЙ</i>	
ПРИТЧИ НЕМЕЦКОГО МУДРЕЦА.....	104

*В оформлении книги использованы
иллюстрации из альманаха «Сельское чтение»*

На обложке:

Дом, в котором жил В. Ф. Одоевский в период
работы над «Сельским чтением»

Обложка альманаха «Сельское чтение»

Портрет В. Ф. Одоевского

Научное издание

Никодимова Анастасия Андреевна
«Сельское чтение» Владимира Одоевского

Подписано в печать 1.10.2018

Формат 60x84 1/16

Бумага типографская. Объем 4,5 п. л.

Тираж 500 экз.

Издательство Марины Батасовой

(4822) 450–459, 8 920 684 6879

Отпечатано в типографии «Альфа-пресс»

8 910 532 1504

